

СВЯЗАННЫЕ

ДОЛГОМ

*Она полна решимости добиться его внимания и вызвать у него страсть,
пусть даже его сердце до сих пор принадлежит умершей жене.*

Кора Рейли

Пролог

— Не смей отворачиваться. Взгляни на меня. Данте, я думаю, что заслуживаю хотя бы этой маленькой любезности.

От мужа волнами исходило напряжение, когда он все же повернулся ко мне. Он смотрел, но не приближался. И на этот раз не делал вид, что я невидимка. Его голубые глаза блуждали по моему обнаженному телу.

Мои соски затвердели в прохладном воздухе кабинета, но я не запахла шелковый халат, несмотря на непреодолимое желание укрыться от холодного исследования Данте. Его взгляд задержался на вершине моих бедер немного дольше, чем на остальных участках тела, и меня озарила робкая надежда.

— Я для тебя кто? Жена?

Его блондинистые брови сдвинулись.

— Конечно жена, — в его голосе я услышала что-то, чего не смогла понять.

— Тогда заяви свои права, Данте. Сделай меня своей.

Он не шелохнулся, но его глаза скользнули вниз к моим возбужденным соскам. Его взгляд был почти осязаем, как призрачное прикосновение к моей обнаженной коже.

Я не была попрошайкой. Я знала, что почти уложила его, и жаждала сегодня вечером заняться сексом.

— У меня тоже есть потребности. Ты бы предпочел, чтобы я нашла себе любовника, который бы освободил тебя от обязанности прикасаться ко мне?

Я не была уверена, что у меня хватит на это духу. Нет, я знала, что не смогу, но эта провокация была моим последним шансом. Если Данте не среагирует и на это, то не представляю, что еще можно сделать.

— Нет, — произнес он резко, и что-то злое и собственническое пробило его идеальную маску.

Данте сжал губы, стиснул челюсти и двинулся на меня. Я задрожала от желания и возбуждения, когда он остановился передо мной. Данте не дотронулся до меня, но мне показалось, что я увидела искру желания в его глазах. Это были крохи, но достаточно, чтобы меня

воодушевить. Я преодолела оставшуюся между нами дистанцию и провела пальцами по его сильным плечам, прижимаясь своим обнаженным телом к его груди. Грубая ткань его делового костюма восхитительно терлась о мои чувствительные соски, и я застонала. Пульсация между ног стала почти невыносимой. Глаза Данте сверкнули, когда он посмотрел на меня сверху вниз. Он медленно обнял меня и положил ладонь мне на поясницу.

Я торжествовала. Теперь он меня не игнорировал.

Глава 1

Безусловно, я понимала, что это случится. После того, как был похоронен мой первый муж, Антонио, мой отец это ясно дал понять. Я была слишком молода, чтобы оставаться не замужем, но никак не могла ожидать, что нового мужа отец найдет мне так быстро, и совершенно точно не ожидала, что моим новым мужем станет Данте-Босс-Кавалларо.

Антонио похоронили всего лишь девять месяцев назад, и благодаря этому моя новая помолвка балансировала на грани неприличия. При обычных обстоятельствах мать была бы в первых рядах тех, кто набросится на любого, нарушившего этикет, и все же она не усматривала ничего неправильного в том, что сегодня, меньше чем через год после прощания с Антонио, мне предстояло встретиться со своим новым мужем. Я

никогда не любила Антонио как любит женщина мужчину. И даже понимая, что наш брак никогда не был настоящим, все же я надеялась на какую-то отсрочку, прежде чем мне вновь придется выйти замуж, особенно если в этот раз выбор был не за мной.

— Тебе несказанно повезло, что Данте Кавалларо согласился взять тебя в жены. Для многих стало неожиданностью, что он решил выбрать женщину, которая уже была один раз замужем. Ведь он мог выбрать из рядов юных, горящих желанием женщин, — говорила мне мать, причесывая мои темно-каштановые волосы.

Она не хотела задеть мое самолюбие, а всего лишь озвучивала очевидное. Я знала, что это было правдой. Конечно.

Такой мужчина, как Данте, на высоте своего положения, не должен подбирать объедки после другого, менее авторитетного мужчины.

Скорее всего, так многие и думали, но так вышло, что я должна была выйти за него замуж. Я — та, которая ни за что на свете не хотела брака с кем-то столь же влиятельным и коварным, как Данте Кавалларо. Я — та, которая хотела остаться в одиночестве, по меньшей мере для того, чтобы защитить тайну Антонио. Как я смогу продолжать обманывать? Данте знали как человека, который всегда знает, если кто-то лжет.

— Он станет главой Синдиката через два месяца, и, когда ты выйдешь за него, станешь самой могущественной женщиной Чикаго и Среднего Запада. И, если ты будешь поддерживать дружеские отношения с Арией, у тебя будут связи и в Нью-Йорке.

Моя мать, как обычно, бежала впереди паровоза, уже распланировав мировое господство, в то время как я по-прежнему не могла осмыслить того, что мне предстояло стать женой Босса. Это слишком опасно. Я была неплохой лгуньей. За время моего брака с Антонио я без устали совершенствовала свои способности, но между ложью для окружающего мира и ложью для собственного мужа разница была огромна. Как это часто бывало за последние месяцы, злость на Антонио вновь всколыхнулась во мне. Он поставил меня в такое положение.

Мать отошла на шаг назад, оценивая свою работу. Темные локоны волос ниспадали мягкими блестящими волнами по моим плечам и спине. Я встала. На сегодняшнюю встречу я надела кремовую юбку-карандаш, блузку цвета сливы, стянутую ремешком, и черные туфли на невысоком каблуке. Среди женщин Синдиката я была одной из самых высоких со своими ста семьюдесятью тремя сантиметрами, и, конечно, моя мать переживала, что, если надену высокие каблуки, Данте это отпугнет. Я не стала напоминать, что Данте все же на тринадцать сантиметров выше меня, и что не стала бы выше него даже на самых высоких каблуках. К тому же он не в первый раз видел меня. Пару раз мы встречались на семейных мероприятиях и даже станцевали один танец на свадьбе Арии в августе три месяца назад. Но наше общение никогда не выходило за рамки обычного обмена любезностями, и уж точно у меня никогда не создавалось впечатления, что Данте хоть немного мог заинтересоваться мной. Но он был довольно скрытен, так что кто знает, что на самом деле происходит у него в голове?

— С тех пор, как умерла его жена, он ни с кем не встречался? —

спросила я. Как правило, сплетни быстро расползались в наших кругах, но я могла и что-нибудь пропустить. Пожилые женщины семьи много знали о грязном белье всех остальных. По правде говоря, сплетни для многих из них были главным развлечением.

Мать печально улыбнулась.

— Официально нет. Говорили, что он не мог забыть жену, но прошло больше трех лет, и теперь, когда собирается стать главой Синдиката, он не может цепляться за память об умершей женщине. Он должен двигаться дальше и произвести на свет наследника. — Она положила руки мне на плечи и произнесла, глядя на меня с

лучезарной улыбкой: — И ты, моя дорогая, станешь той, кто родит ему прекрасного сына.

У меня скрутило живот.

— Не сегодня.

Моя мать со смехом покачала головой.

— Очень скоро. Свадьба состоится через два месяца.

Если бы все зависело от матери и отца, свадьба состоялась бы еще несколько недель назад. Наверное, они переживали, что Данте может передумать насчет меня.

— Валентина! Ливия! Машина Данте уже здесь.

Мать хлопнула в ладоши, а затем подмигнула мне.

— Давай заставим его забыть свою женушку.

Я всей душой надеялась, что она не скажет что-нибудь такое же бестактное, когда Данте будет рядом. Я пошла вслед за ней вниз и постаралась изобразить на лице искушенность. Отец открыл дверь. Даже не припомню, когда он в последний раз сам открывал дверь. Обычно он предоставлял делать это матери, мне или нашей горничной, но сейчас, очевидно, не мог ждать. Неужели необходимо настолько очевидно показывать, как отчаянно он хотел выдать меня замуж еще разок? Из-за этого я почувствовала себя последним щенком из помета, от которого зоомагазин ждет не дождется возможности избавиться.

В тот момент, когда мы с матерью встали посередине холла, в проеме двери показались светлые волосы Данте. На улице был снегопад, и

мягкий покров снежинок на его голове делал волосы похожими на золото. Я поняла, почему многие были расстроены из-за брака Арии с Лукой: она и Данте составили бы золотую пару.

Отец, широко улыбаясь, распахнул дверь. Данте пожал ему руку, и они обменялись парой слов. Мать чуть ли не подпрыгивала возле меня. Она нацепила свою тысячеваттную улыбку, когда Данте и отец наконец направились в нашу сторону. Я растянула свои губы в улыбке, которая сияла значительно меньше.

В первую очередь, по традиции, Данте поприветствовал мою мать, поклонившись и поцеловав ручку, а потом подошел ко мне. Его улыбка, предназначенная для меня, не коснулась его голубых глаз. Я тоже протянула ему руку для поцелуя.

— Валентина, — произнес Данте своим ровным, бесстрастным голосом.

Только внешне я посчитала Данте более чем просто привлекательным. Он был высок и в меру мускулист, на нем был безупречный темно-серый костюм-тройка, белая рубашка с нежно-голубым галстуком, и он зачесывал свои густые светлые волосы назад. Но за глаза все называли его холодной рыбой, и из наших коротких встреч я поняла, что это правда.

— Очень рада снова видеть тебя, — сказала я, немного поклонившись.

Данте отпустил мою руку.

— Да, я тоже. — Он обратился своим пустым немигающим взглядом в сторону моего отца. — Мне бы хотелось поговорить с Валентиной наедине. — И никаких традиционных пустых бесполезных расшаркиваний.

— Конечно, — быстро сказал отец, взяв за руку мать и уже уводя ее.

Если бы я уже не была замужем, они бы ни за что не оставили меня с мужчиной наедине, но теперь считали, что моя добродетель в защите не нуждалась. И рассказать им, что у нас с Антонио никогда не было супружеских отношений, я не могла. Я никому не могла рассказать, и уж тем более Данте.

Когда мать и отец скрылись за дверью кабинета, Данте повернулся ко мне.

— Я так понимаю, ты не против.

Он казался настолько сдержанным и собранным, как будто его эмоции были закупорены глубоко внутри. Так глубоко, что он сам не смог бы добраться до них. Я задалась вопросом, насколько это было из-за смерти его жены и насколько от его собственного характера.

— Да, — ответила я, от всей души надеясь, что он не заметит, как я нервничаю. Я кивнула на дверь слева от нас. — Не желаешь присесть?

Данте кивнул, и я повела его в гостиную. Я опустилась на диван, а Данте сел в кресло напротив. Мне казалось, он устроится рядом со мной, но его вид говорил о большем удовлетворении расстоянием между нами, которое соответствовало приличиям. Кроме быстрого поцелуя руки, больше он ко мне не прикоснулся. Он, вероятно, считает это неприемлемым, пока мы не женаты. По крайней мере, я надеялась, что это так и других причин нет.

— Думаю, отец сообщил тебе, что наша свадьба назначена на пятое января.

Я пыталась распознать в его голосе долю печали или тоски, но не было ничего. Я сложила руки на коленях, переплетя пальцы. Так было меньше шансов, что Данте заметит мою дрожь.

— Да. Он сообщил мне несколько дней назад.

— Я понимаю, что еще и года не прошло после похорон твоего мужа, но мой отец удалится от дел в конце года, и ожидается, что я буду женат, когда займу его место.

Я опустила глаза, когда в моей груди все сжалось от подавляемых эмоций. Антонио не был хорошим мужем, он вообще ни в какой степени не был им, но был моим другом, и я знала его всю жизнь, потому и согласилась выйти за него замуж. Но я была слишком наивна, не поняла, что на самом деле значит брак с мужчиной, которого не интересовала как я в частности, так и женщины вообще. Мне хотелось ему помочь. Быть геем в мафии не допускалось. Если бы кто-нибудь узнал, что Антонио предпочитает мужчин, они бы убили его. Когда он попросил меня о помощи, я ухватила за эту возможность, втайне рассчитывая, что смогу его завоевать. Я думала, что он не захочет больше быть геем, и у нас будет настоящий брак, но эти надежды разбились очень скоро. Вот почему мерзкая, эгоистичная часть меня вздохнула с облегчением, когда Антонио

умер. Я верила, что наконец-то освободилась, чтобы найти мужчину, который будет любить меня или, по крайней мере, желать. К счастью, это была лишь очень небольшая часть меня, и я чувствовала вину, когда мне об этом напоминали. И все же, может, это и есть тот самый шанс, и мой второй брак, наконец, подарит мне мужа, который не будет считать меня всего лишь меньшим из зол.

Видимо, Данте неправильно истолковал мое молчание.

— Если ты считаешь, что еще слишком рано, мы можем отменить наши договоренности.

Мать меня убьет, а отца, скорее всего, хватит удар.

— Нет, — пробормотала я. — Все нормально. Просто погрузилась в воспоминания ненадолго. — Я улыбнулась ему, но Данте в ответ не улыбнулся, только бесстрастно наблюдал за мной.

— Отлично, — кивнул он. — Я хотел бы обсудить с тобой приготовления и время, оставшееся до этого события. Два месяца — это недолго, но, так как эта свадьба будет скромной, все пройдет отлично.

Я кивнула. Немного печально было от того, что наша свадьба будет скромной, но настолько быстро после смерти Антонио устраивать нечто грандиозное было бы дурным тоном, и к тому же учитывая, что это будет второй брак для меня и Данте, настаивать на роскошном банкете было бы нелепо.

— Почему ты выбрал меня? Уверена, что других подходящих вариантов было в избытке.

Меня распирало любопытство насчет этого с тех пор, как отец рассказал о своей договоренности с Данте. Я понимала, что о таком мне спрашивать не полагается. Узнай об этом мать, она закатила бы истерику.

На лице Данте не дрогнул ни один мускул.

— Разумеется. Мой отец предлагал твою кузину Джианну, но я не хотел жену, только вчера ставшую совершеннолетней. К сожалению, большинство женщин к двадцати годам уже замужем, а почти все вдовы гораздо старше или у них уже есть дети, что, как ты понимаешь, недопустимо для мужчины моего положения.

Я кивнула. Существовало великое множество правил этикета, как

только дело доходило до поиска подходящей партии, особенно для человека в положении Данте, и именно поэтому многие были шокированы, когда меня провозгласили его будущей женой. Такое решение Данте многим насолило.

— Таким образом, ты была единственным логическим выбором. Безусловно, ты еще довольно молода, но изменить это нельзя.

Несколько мгновений я ошеломленно молчала от его равнодушных рассуждений. Я уже не была настолько наивна, как раньше, но в глубине души все же надеялась, что, по крайней мере, отчасти Данте выбрал меня потому, что я привлекала его, что он считал меня красивой или хоть чуть-чуть интересной, но этот холодный расчет разрушил всякую надежду.

— Мне двадцать три, — сказала я, поразившись своему спокойному голосу. Наверное, Данте заразил меня своей отчужденностью. Если это так, я приобрету известность как снежная королева. — Это не «молода» по нашим брачным стандартам.

— На двенадцать лет моложе меня. Это больше, чем мне бы хотелось.

Его умершая жена была всего на два года моложе его, и женаты они были около двенадцати лет, прежде чем она умерла от рака. Тем не менее, в его устах это звучало так, как будто я вынуждала его на мне жениться. Почти все мужчины в нашем мире заводили себе молодых любовниц, когда жены старели, однако же Данте был раздосадован тем, что я слишком молода.

— Так, может, тебе стоит поискать другую жену. Я не просила на мне жениться. — В ту же секунду, как слова вылетели из моего рта, я зажала рот рукой и метнула испуганный взгляд в сторону Данте. Он не выглядел рассерженным, он вообще никак не среагировал. Выражение его лица оставалось таким же, как и всегда. Стоическое и бесчувственное. — Прощу прощения. Это было очень грубо. Я не должна была говорить этого.

Данте покачал головой. Ни единый волосок не выбился из своего ряда. На его штанинах не было даже капельки грязи, невзирая на ноябрьский снегопад.

— Все в порядке. Я не хотел тебя обидеть.

Мне бы очень хотелось, чтобы его голос не звучал так равнодушно, но тут уж ничего не поделаешь, по крайней мере, пока мы не

поженились.

— Ты не обидел. Прости. Я не должна была на тебя огрызаться.

— Ладно, вернемся к делу. Нам нужно обсудить еще кое-что, и, к сожалению, на сегодняшний вечер у меня назначена встреча, а завтра рано утром я улетаю.

— Ты полетишь в Нью-Йорк на помолвку Маттео и Джианны?

Моя семья не получила приглашения. Как и на помолвку Арии, были приглашены только ближайшие члены семьи и руководители нью-йоркской и чикагской Семей. На самом деле я была этому рада. Это был бы мой первый выход в свет после того, как мое обручение с Данте предали огласке. Сплетни и любопытные взгляды преследовали бы меня повсеместно.

Во взгляде Данте на секунду мелькнуло удивление, но потом оно испарилось.

— Да, это так.

Он потянулся в карман пиджака и протянул маленькую бархатную коробочку. Я приняла ее и открыла. Внутри находилось бриллиантовое кольцо. Каких-то несколько недель назад я сняла помолвочное и обручальное кольца, которые Антонио надевал мне. Они ничего по большому счету не значили для меня.

— Надеюсь, тебе понравится дизайн.

— Да, благодарю.

После небольшой заминки я взяла кольцо и надела его себе на палец, Потому что Данте никак не дал понять, что хочет сделать это сам. Я опустила глаза к его правой руке, и мой желудок резко сжался: он по-прежнему носил свое старое обручальное кольцо. Непонятная горечь разочарования вдруг наполнила меня. Он носит его спустя столько времени, потому что все еще любит свою умершую жену, или это просто привычка?

Глава 1.2

Он заметил мой взгляд, и впервые за все это время его бесстрастная маска соскользнула, но это случилось так быстро, что я не была уверена, что действительно увидела. Данте не стал объясняться или

извиняться, но от такого, как он, этого и не стоило ожидать.

— Твой отец просит, чтобы до свадьбы мы вместе вышли в свет.

Поскольку мы договорились, что официальная помолвка не нужна...

— Меня никогда не спрашивали, но я даже нисколько не удивилась.

— ...я предлагаю нам вместе посетить ежегодную рождественскую вечеринку в доме семьи Скудери.

Столько, сколько себя помню, моя семья посещала дом Скудери в первый день Рождества.

— Это хорошая идея.

Данте холодно улыбнулся мне.

— Значит, это улажено. Я сообщу твоему отцу, в какое время заеду за тобой.

— Ты можешь сообщить мне. У меня есть телефон, и я умею им пользоваться.

Данте уставился на меня. Замешательство на секунду вспыхнуло у него на лице.

— Конечно. Как хочешь. — Он вытащил из кармана свой телефон. — Какой у тебя номер?

Мне пришлось взять паузу, чтобы подавить неподобающий леди фыркающий смех, прежде чем я смогла продиктовать номер.

Закончив печатать, Данте засунул свой телефон обратно в карман и молча встал. Я тоже поднялась, заняв себя разглаживанием несуществующих складок на своей юбке, чтобы скрыть раздражение за заученными манерами.

— Благодарю за уделенное время, — произнес он официально.

Я очень надеялась, что он расслабится после нашей свадьбы. Он не всегда был таким сдержанным. Я слышала истории о том, как он доказывал свое положение в качестве наследника своего отца и насколько эффективно может действовать, когда дело касается предателей и врагов. Было что-то темное и дикое за его манерами ледяного принца.

— Всегда пожалуйста. — Я приблизилась к двери, но Данте, опередив меня, открыл дверь сам. Коротко поблагодарив, я вышла в холл. — Я позову родителей, чтобы вы попрощались.

— Вообще-то, мне еще нужно поговорить с твоим отцом наедине, прежде чем уйти.

Попытка получить какую-либо информацию по выражению его лица была бесполезна, так что утруждаться не стала. Вместо этого я прошла к двери в кабинет отца в конце коридора и постучалась.

Голоса внутри стихли, и через мгновение отец

открыл дверь. Мать стояла у него за спиной. При одном взгляде на ее лицо мне стало понятно, что она жаждет наброситься на меня с вопросами, но Данте был сразу позади меня.

— Данте хотел с тобой поговорить, — сказала я и повернулась к Данте.

— Увидимся на рождественской вечеринке.

Я раздумывала, не чмокнуть ли его в щеку, но отказалась от этой идеи. Вместо этого я с улыбкой кивнула ему, прежде чем уйти. Моя мать зацокала каблуками позади меня, а затем поравнялась со мной и схватила меня за руку.

— Как прошло? Данте не выглядит довольным. Это ты его чем-то обидела?

Я подняла глаза на нее.

— Конечно нет. Лицо Данте заморожено в одном выражении.

— Ш-ш-ш.— Мать оглянулась назад. — Что, если он тебя слышит?

— Не думаю, что его это взволнует.

Мать посмотрела на меня внимательно.

— Ты должна быть счастлива, Валентина. Ты выиграла мужа в лотерею, и я уверена, что под холодной маской Данте скрывается страстный любовник.

— Мама, пожалуйста.

Мне до сих пор было плохо от двух единственных разговоров о сексе с моей матерью за всю мою жизнь. Сначала, в мои пятнадцать лет, она пыталась рассказать мне о птичках и пчелках, когда я уже хорошо знала о механизме секса. Даже в католической школе для девочек эта информация доносилась в некоторой степени. А второй раз — незадолго до моей свадьбы с Антонио. Я не думала, что смогу выдержать третий.

Но у меня теплилась надежда, что она права. Благодаря тому, что Антонио не интересовали женщины, у меня никогда не было шанса насладиться страстным любовником или вообще каким-нибудь любовником. Я была более чем готова окончательно избавиться от своей невинности, даже если существует риск, что Данте узнает, что мой первый брак был для шоу. Но, возникни такая проблема, я бы ее решила.

Глава 2

Данте заехал за мной, как и обещал, без четверти шесть. Ни минутой раньше или позже. Да иного я и не ожидала. Мои родители выехали на несколько минут раньше. Данте, как будущий глава Синдиката, не мог слишком рано появиться на вечеринке.

На этот раз он был в костюме-тройке темно-синего цвета в голубую полоску и таком же галстуке. Я на мгновение застыла, увидев его — платье на мне было тоже темно-синим. Все подумают, что мы нарочно так вырядились, но теперь уж ничего не поделаешь. Я три дня просидела на жесткой детокс-диете, чтобы влезть в это облегчающее платье с открытой спиной; и переодеваться теперь не собиралась. Несмотря на то, что длина юбки-карандаш доходила мне до икр, благодаря разрезу до бедра я могла пройти по лестнице без особых проблем.

Данте окинул меня беглым взглядом.

— Ты прекрасно выглядишь, Валентина.

Всего лишь вежливость. Не было совершенно никакого намека на то, что он на самом деле находит меня привлекательной.

— Спасибо, — улыбнулась я и подошла к нему.

Он коснулся моей поясницы, чтобы подвести к черному «Порше», припаркованному у тротуара, и напрягся, когда его ладонь встретила мою обнаженную кожу. Не уверена, но мне показалось, что услышала, как он резко выдохнул. Мысль о том, что я могу оказать влияние на него, вместе с ощущением от его прикосновения вызвала мурашки по позвоночнику. Данте едва коснулся рукой моей спины и больше ничем не выдал своего удивления моей частичной наготой, когда подталкивал к пассажирской двери и открывал ее для меня. Я забралась внутрь, почти опьяненная триумфом от того, что мне

удалось получить реакцию от айсберга. После свадьбы я постараюсь делать это чаще.

Когда мы остановились перед особняком Скудери, остальные гости уже прибыли. Мы могли бы пройти пешком, если бы не четыре сантиметра снега, проблемы безопасности и мои высокие каблуки. Во время нашей поездки Данте не утруждал себя светской беседой. Казалось, что мыслями он где-то далеко. И на этот раз, когда Данте положил руку на мою обнаженную спину, внешне никакой реакции не последовало.

Дверь нам открыла Людевика Скудери. Ее муж Рокко, нынешний Консильери отца Данте, маячил у нее за спиной, положив руки ей на плечи. Они широко улыбались, провожая нас в приятное тепло холла. В центре его возвышалась восьмифутовая рождественская елка, украшенная красными и серебристыми шарами.

— Мы очень рады, что вы пришли, — с чувством произнесла Людевика.

Рокко потряс руку Данте.

— Поздравляю с отличным выбором, Данте. Твоя будущая жена выглядит потрясающе.

Было очевидно, что они из кожи вон лезли, стараясь быть милыми. Хотя и предпочтительно, чтобы новый Капо сохранил Консильери своего предшественника, традицией это не являлось, так что Данте, взяв на себя обязанности своего отца, мог назначить нового.

Данте склонил голову и вернул руку мне на спину.

— Да, она потрясающая, — сказал он просто, в то время как я могла только улыбаться.

Людевика схватила меня за руки.

— Мы были очень рады, когда узнали, что Данте выбрал тебя. После всего того, через что тебе пришлось пройти, только справедливо, что судьба повернулась к тебе лицом.

Я не знала, что ответить. Возможно, она говорила искренне. Трудно было сказать, ведь изначально они пытались женить Данте на

Джианне.

— Спасибо. Очень мило с вашей стороны.

— Входите. Вечеринка у нас не в холле, — сказал Рокко, кивая нам в направлении гостиной, откуда слышны были смех и голоса.

— Ария будет очень рада снова встретиться с тобой, — сказала Людевика, когда мы вошли в гостиную.

Я не успела высказать удивление присутствию Арии, потому что в тот же момент нас заметили собравшиеся и окружили плотной толпой, чтобы поздравить с помолвкой и предстоящей свадьбой. Между приветствиями и рукопожатиями я осмотрела гостиную. Ария стояла в другом конце огромной комнаты рядом с ещё одной массивной рождественской елью и ее не менее массивным мужем Лукой, рука которого лежала на ее талии. Джианну и ее жениха Маттео я нигде не увидела. Если верить сплетне моей матери, Скудери были обеспокоены тем, что их средняя дочь может устроить сцену.

Данте провел пальцем по моей спине, чем очень ошеломил. Я стрельнула в него глазами, а затем перевела взгляд к паре перед нами, которую совершенно проигнорировала из-за своих гляделок. Я улыбнулась самой ослепительной улыбкой и обняла Бибиану.

— Как дела? — прошептала я. Она ненадолго стиснула меня в объятьях, а затем отступила с натянутой улыбкой. Это был тот ответ, который я ожидала от нее в присутствии других людей.

Ее муж Томмазо, на тридцать лет старше ее, лысый и толстый, поцеловал мне руку, и все бы было хорошо, если бы не его взгляд. Недоверие — лучшее слово, подходящее для него. Пальцы Данте на моей спине напряглись, и я рискнула взглянуть на него, но выражение его лица было той же отстраненной маской, как и всегда. Он взглядом просверлил Томмазо, и тот быстро убрался вместе с Бибианой.

Официант, несший поднос с выпивкой, остановился рядом с нами, и Данте взял для меня бокал шампанского, а себе виски. Теперь, когда поток поздравителей окончательно иссяк, Лука и Ария пересекли комнату по направлению к нам. Поведение Данте чуть-чуть изменилось, как у тигра, который почуял на своей территории другого хищника. Вместо того, чтобы напрячься, он расслабился, показывая, что не беспокоится, но его глаза оставались бдительны и

расчетливы.

Лука и Данте пожали руки, оба с этими нервными акульными улыбками на лицах. Проигнорировав их, я улыбнулась Арии. Я и вправду была счастлива вновь ее увидеть. Прошло несколько месяцев, и она выглядела гораздо более расслабленной, чем на своей свадьбе.

— Ты потрясающе выглядишь, — сказала я, обнимая ее. На ней было темно-красное платье, прекрасно подчеркивающее светлые волосы и бледную кожу. Неудивительно, что Лука не сводил с нее глаз.

— Ты тоже, — ответила она, отступая. — Могу я увидеть спину?

Я повернулась для нее.

— Ого! Правда, изумительно смотрится?

Этот вопрос предназначался Луке и привел к неловкой паузе, во время которой напряженность резко возросла. Данте обнял меня за талию, не сводя своих холодных глаз с Луки, который взял Арию за руку, поцеловал ее и тихо произнес:

— Мои глаза смотрят лишь на тебя.

Ария смущенно улыбнулась.

— Мне нужно найти Джианну, но я с удовольствием поболтала бы с тобой попозже.

— Хорошо, — ответила я, радуясь тому, что они с Лукой уходят. Все равно нам с Арией не удастся спокойно поговорить, пока рядом мужчины.

Я повернулась к Данте.

— Тебе он не нравится.

— Это не вопрос симпатии. Речь идет о самосохранении и разумной доле подозрения.

— Да тут витает дух Рождества, — сказала я, не пытаясь скрыть свой сарказм.

Снова намек на улыбку заставил дернуться уголки губ Данте, но тут же все исчезло.

— Хочешь взять что-нибудь поесть?

— Определенно. — После нескольких дней изматывающей диеты я

была голодна. Пока мы пробирались сквозь толпу, я заметила, что нигде не видно нынешнего главы Синдиката. — Где твой отец?

— Он не хотел отвлекать от нас внимание. Теперь, когда ему так хорошо в отставке, он предпочитает держаться подальше от публики, — с оттенком иронии сказал Данте.

— Понятно.

Эти социальные функции были выматывающими. Ты должен быть осторожен в том, что говоришь и делаешь, тем более, если ты глава Синдиката. По тем неприязненным взглядам, что бросали в мою сторону некоторые из женщин, я была уверена, что в настоящий момент стала их любимой темой для разговора. Я знала, о чем они шепчутся, прикрывая свои рты ладошками: «Почему Данте Кавалларо выбрал вдову вместо юной невинной невесты?» Я разглядывала его бесстрастное лицо: острые углы скул, расчет и настороженность в глазах — и опять поймала себя на мысли, что мне жаль, что ответ на этот вопрос не был продиктован чем-то другим, кроме чистой логики.

Буфет ломился от итальянских деликатесов. Я взяла кусочек панеттоне, так как отчаянно нуждалась в каком-нибудь сладком удовольствии. Как всегда, вкус был райский. Я готовила его несколько раз, но у меня никогда не получалось так вкусно, как у Людевики Скудери.

— Данте, — позади нас раздался приятный женский голос.

Мы с Данте повернулись одновременно. Его сестра Инес, с которой за все годы мы перебросились всего парой слов, так как у нас было девять лет разницы в возрасте, стояла перед нами. Она была беременна, вероятно, в третьем триместре, если мои предположения были верны. На другом конце комнаты ее близнецы, мальчик с девочкой, играли с Фабиано Скудери, который был с ними одного возраста. У Инес были такие же светлые волосы, как у Данте, и держалась она с такой же холодной отчужденностью, но, когда ее глаза остановились на мне, я увидела не сказать что теплый, но достаточно дружелюбный взгляд.

— И Валентина. Рада видеть тебя.

— Инес, — произнесла я с улыбкой. — Ты ослепительна.

— Спасибо. — Она коснулась своего живота. — Нелегко найти

красивые платья, которые подошли бы мне с таким животом. Может, ты сможешь мне купить одно для нашей свадьбы?

— С удовольствием. И, если ты не против, я была бы рада, чтобы ты присоединилась ко мне, когда я пойду искать свадебное платье.

Она широко распахнула свои голубые глаза.

— У тебя его до сих пор нет?

Я пожала плечами. Конечно, у меня оставалось одно с моей последней свадьбы, но я не собиралась надевать его снова. Это плохая примета.

— Еще нет, но я собираюсь на следующей неделе, если ты, конечно, свободна?

— Я в деле, — ответила Инес.

Ее глаза стали гораздо теплее. Она выглядела намного моложе своих тридцати двух, и, даже несмотря на то, что была беременна, у нее, похоже, не было лишнего веса. Интересно, как ей это удастся?

Может, хорошие гены. Я определенно не была ими наделена. Без постоянных дней или недель детокс-диеты и регулярных тренировок я бы очень быстро набрала вес.

— Замечательно.

Краем глаза я видела, как Данте внимательно следил за нами. Надеюсь, он рад, что мыладили с его сестрой. Я знала, что Инес с его умершей женой были подругами. Часто замечала, как они вместе хихикали на различных мероприятиях.

— Где твой муж? — спросил Данте.

— О, Пьетро вышел на улицу покурить с Рокко Скудери. Они не хотели беспокоить тебя и твою будущую жену.

На щеках Данте заходили желваки.

— Ты можешь пойти к ним, если тебе нужно разобраться с делами,

— быстро сказала я. — Со мной все будет в порядке. Мне нужно поболтать с Арией. Инес, не хочешь присоединиться ко мне?

Инес покачала головой, глядя на своих близнецов, которые отчаянно спорили друг с другом.

— Мне нужно остановить это, или будут слезы и разбитые в кровь

носы. — Она улыбнулась мне и стремглав бросилась к спорящим детям.

Данте еще не отошёл от меня ни на шаг.

— Ты уверена?

— Да.

Он кивнул.

— Я скоро вернусь.

Я наблюдала, как он направляется к двери террасы и исчезает снаружи. Теперь, когда он ушел, я заметила, что несколько женщин стали откровенно пялиться на меня. Мне нужно было быстро найти Арию или Бибиану, прежде чем кто-нибудь из присутствующих вовлечет меня в неловкий разговор. Я пробиралась мимо остальных гостей, одаривая их только самой краткой улыбкой. Наконец, я нашла Арию и Бибиану в тихом уголке холла.

— Вот вы где, — обрадовалась я, даже не стараясь скрыть свое облегчение.

— Что случилось? — нахмурившись, спросила Ария.

— Мне кажется, что все говорят обо мне и Данте. Скажите, что я все выдумываю.

Бибиана покачала головой.

— Тебе не кажется. Большинство вдов не так удачливы, как ты.

— Я знаю, но все же. Мне бы хотелось, чтобы они не выказывали такое явное потрясение моей помолвкой.

— Это пройдет, — сказала Ария, затем поморщилась. — Скоро Джианна вернется на главное место в ежедневных сплетнях.

— Сожалею. Я слышала, что на вечеринке Джианна устроила сцену.

Ария кивнула.

— Да. Проблема Джианны в том, что она не скрывает своего нежелания выходить замуж.

— Поэтому здесь нет Маттео Витиелло? — спросила Бибиана. Я тоже задавалась этим вопросом, но не хотела быть любопытной.

— Нет, не поэтому. После смерти Сальваторе Витиелло Маттео на

втором месте в иерархии, и он должен оставаться в Нью-Йорке в отсутствие Луки.

Я искала у нее на лице признаки того напряжения, которое слышала в голосе, но она научилась скрывать свои эмоции. Неужели у Луки неприятности в Нью-Йорке? Он был слишком молод для Капо. Может, некие силы в Нью-Йорке пытались взбунтоваться. В прежние времена Ария, возможно, сказала бы мне, но теперь, когда я стала невестой будущего босса Чикагского Синдиката, ей нужно было проявлять осторожность, чтобы не допустить промаха. Может, мы и пытались сотрудничать, но Нью-Йорк и Чикаго определенно не были друзьями.

— Это имеет смысл, — произнесла я. Бибиана посмотрела на меня. Должно быть, она тоже ощутила напряжение в словах Арии.

— Ты еще даже не показала мне свое обручальное кольцо! — Голубые глаза Арии расширились.

Я протянула руку.

— Оно прекрасно, — восхитилась Ария.

— Так и есть. Данте выбрал его для меня. — Мое второе обручальное кольцо, и во второй раз также не являлось проявлением любви. — Сколько еще вы пробудете в Чикаго? У тебя будет время выпить по чашке кофе?

— Мы уезжаем завтра утром. Лука хочет вернуться в Нью-Йорк. Но мы приедем на вашу свадьбу раньше на несколько дней, так что, может, мы могли бы тогда и встретиться за кофе, если ты не будешь сильно занята?

— Нет, торжество не будет большим, поэтому у меня будет время встретиться с тобой. Позвони мне, когда точно все узнаешь.

— Обязательно.

— Бибиана, как насчет тебя? У тебя есть время встретиться завтра? Мы так толком и не смогли поговорить.

Бибиана закусила губу.

— Думаю, смогу. Теперь, когда ты, как жена босса, настолько крута, Томмазо едва ли посмеет сказать «нет».

— Именно, — кивнула я, прежде чем снова обратиться к Арии. —

Где Лука?

Ария огляделась.

— Он хотел поговорить с моими родителями о свадьбе Маттео и Джианны. На это потребуется больше времени, чем ожидалось.

Расторгнут ли они помолвку? Это было бы сплетней года. Я даже представить себе не могла, что они рискнут пойти на это, независимо от того, насколько сильным было сопротивление Джианны.

Данте появился в дверях гостиной, и его взгляд устремился на меня.

— Похоже, мне пора, — сказала я. Обняла Арию и Бибиану, прежде чем направиться к Данте. Остановившись перед ним, я спросила: — Мы уезжаем?

Данте выглядел невероятно напряженным.

— Да. Но, если хочешь остаться, можешь потом вернуться с родителями.

Это вызвало бы ещё больше сплетен. Нельзя появиться на вечеринке со своим женихом и уйти без него.

— Не думаю, что это было бы разумно.

На лице Данте отразилось понимание.

— Несомненно.

Глава 2.1

— Все в порядке? — спросила я, снова оказавшись в машине.

Теперь, когда мы были помолвлены, я подумала, что будет нормальным спросить. Его пальцы напряглись вокруг руля.

— Русские приносят нам больше хлопот, чем обычно, и то, что Сальваторе Витиелло умер в это критическое время, и Нью-Йорк должен иметь дело с новым Капо, конечно, не помогает.

Я с удивлением уставилась на него. Спрашивая, я не ожидала подробного ответа. Большинству мужчин не нравилось говорить о бизнесе со своей женой, а я еще даже не была замужем за Данте.

— Ты выглядишь удивленной, — сказал он, стрельнув в меня глазами.

— Ну да, — призналась я. — Спасибо, что дал честный ответ.

— Я считаю, что честность — это ключ к благополучному браку.

— Не в браках, которые я знаю, — ответила я с долей иронии.

Данте наклонил голову.

— Правда.

— Так ты не считаешь, что Лука — хороший Капо?

— Он хороший Капо, или станет им, когда устранит всех своих врагов.

Он сказал это так безразлично. Как будто устранение не подразумевало убийство других людей потому, что они были неудобными или представляли опасность для власти.

— Это то, что ты собираешься делать, когда станешь Главой Синдиката?

— Да, при необходимости, но я доказал свои притязания на лидерство за последние несколько лет. Я намного старше Луки.

Но все же самый молодой босс в истории Синдиката. Люди и его будут проверять на прочность.

Данте остановился перед домом моих родителей, заглушил двигатель, вышел и, обойдя машину перед капотом, открыл мне дверь. Я взяла предложенную руку и встала, заставив наши тела оказаться так близко, что было бы легко поцеловать его. Но затем он сделал шаг назад, восстановив надлежащую дистанцию между нами, прежде чем проводить меня до двери. Я повернулась к нему лицом.

— Я никогда не вижу тебя с телохранителем. Разве не рискованно выходить без охраны?

Данте мрачно улыбнулся.

— Я вооружен, и, если кто-то захочет застать меня врасплох, пусть попробует.

— Ты лучший стрелок в Синдикате.

— Один из лучших, да.

— Хорошо, тогда полагаю, что могу чувствовать себя в безопасности.
— Подразумевалось, что это шутка, но Данте выглядел абсолютно серьезным.

— Ты в безопасности. Я колебалась. Неужели он не попытается поцеловать меня? Через четыре недели мы поженимся. Нам не нужно было держаться подальше друг от друга ради приличия. Когда стало ясно, что Данте первый шаг делать не собирается, я подошла к нему и поцеловала в щеку. Я не решилась заглянуть ему в лицо, вместо этого отперла дверь, проскользнула внутрь и позволила ей захлопнуться позади меня. Я подождала несколько минут, прежде чем выглянуть в окно рядом с входной дверью. Машина Данте уехала. Я задалась вопросом, почему он не попытался поцеловать меня? Потому что мы пока не женаты? Возможно, он решил, что близость до свадьбы неприемлема для нас. Или, может, он все еще любил свою жену? Я даже не посмотрела на его руку и не увидела, снял ли он свое старое обручальное кольцо. Это и есть та причина, по которой люди говорили обо мне сегодня?

это произойдет? — усмехнулась Бибиана.

— Естественно, ты хочешь его смерти. А кто бы не хотел на твоём месте? И я. И любая другая.

Бибиана с благодарностью посмотрела на меня.

— Ладно, что насчет тебя? Ты хочешь переспать с Данте?

— Да, несомненно. Дождаться не могу.

Хоть щеки у меня и вспыхнули, но это была чистая правда, и ничего неправильного в желании заняться сексом с собственным будущим мужем я не видела. Если на то пошло, как мужчина Данте был безумно привлекателен.

— В таком случае, может, тебе стоит как-то подготовиться, чтобы Данте не понял, что твой первый брак был лишь видимостью.

— Как, например? Найти парня, который со мной переспит? Изменять Данте я не стану. И считаю, что секс должен быть только в браке. — Несмотря на свою твердую решимость не следовать всем тем нотациям, которым учила меня мать, и не дать строгим наставлениям католических учителей проникнуть в мой мозг, я не могла представить близость с кем-то, с кем не обручена.

Бибиана издала сдавленный смешок.

— Я не это имела в виду, — покраснев, она понизила голос до шепота. — Я думала, что ты можешь использовать фаллоимитатор.

На мгновение я потеряла дар речи. Такое мне никогда и в голову не приходило.

— Где мне взять фаллоимитатор? Вряд ли я смогу попросить телохранителей моего отца отвезти меня в секс-шоп. Моя мать, узнав об этом, умрет от стыда. — Как и я, умру прямо на входе.

— Как бы мне хотелось помочь тебе в этом, но, если Томмазо узнает, он будет в ярости. — Скулы Бибианы все еще были в синяках после последней вспышки ярости ее мужа.

— Наверное, это и к лучшему. Мне все равно отвратительна сама мысль заняться сексом с неодушевленным предметом. Я что-нибудь придумаю.

— А может, как все мужчины, Данте будет слишком занят заботой о своих потребностях, чтобы что-то заметить.

Мне стало не по себе от этого. Все же я лелеяла надежду, что Данте позаботится и о моих потребностях.

Пятого января, когда день свадьбы наконец-то наступил, я ужасно нервничала, и не только из-за моей брачной ночи. Ведь это был мой второй шанс на счастливый брак. Большинство людей нашего круга не понимали этого. Они всю жизнь прозябали в несчастливых союзах, пока смерть не разлучала их.

Шествуя по проходу в блестящем кремовом платье, впервые за долгое время я была полна больших надежд. Данте выглядел изысканно в своем черном костюме с жилетом. Он не отрывал от меня взгляда, и, когда мой отец передал меня ему, я была уверена, что увидела в его глазах довольную тень одобрения. Его теплая ладонь на моей и мимолетная улыбка, которую он подарил прежде, чем священник начал свою проповедь, вызвали у меня желание встать на цыпочки и поцеловать его.

Моя мать сидела в первом ряду и громко рыдала. Глядя на нее, можно было поверить, будто она не могла быть счастливее, чем сейчас, а отца переполняла гордость. И только мой брат Орацио, который прилетел всего два часа назад из Кливленда, где работал по заданию Синдиката, всем своим видом показывал, как ему не терпелось уйти. На ободряющие улыбки Бибианы и Арии мне нравилось смотреть больше. Пока священник говорил, я время от времени украдкой бросала взгляды на Данте, и то, что я видела на его лице, разрывало мне сердце. Выражение печали не покидало его. Мы с ним оба пережили потерю, но, если слухи верны, для Данте эта потеря была любовью всей жизни. Смогу ли я соперничать с этим?

Когда настало время для нашего поцелуя, Данте без колебаний наклонился и прижался своими теплыми губами к моим. Холодным айсбергом он, определенно, не ощущался. В памяти всплыли слова матери, и я задрожала от волнения. Если невозможно заставить Данте забыть свою первую жену, я могу хотя бы помочь ему двигаться дальше.

После церкви вся процессия отправилась в отель на банкет. Впервые мы остались с Данте наедине как супружеская пара. Он не взял меня за руку во время поездки, но, наверное, он относился к тому типу парней, которые не выносят всех этих телячьих нежностей. Меня больше беспокоили его стиснутые челюсти и сталь в глазах.

— Вроде неплохо все прошло, как считаешь? — начала я, когда гнетущая тишина стала невыносима.

— Да, священник проделал хорошую работу.

— Только мне бы хотелось, чтобы моя мать не рыдала так. Обычно ей лучше удается справляться с эмоциями.

Данте напряженно улыбнулся.

— Она за тебя счастлива.

— Да, я знаю. — Я сделала паузу. — А ты? Счастлив? — Я знала, что это опасный вопрос.

Он переменился в лице, стерев все видимые эмоции.

— Конечно, я доволен этим союзом.

Я ждала чего-то большего, но оставшаяся часть поездки прошла в молчании. Мне не хотелось начинать наш брак с борьбы, поэтому отступила.

Когда мы вышли из машины и направились ко входу, Данте коснулся моей спины.

— Ты прекрасно выглядишь, Валентина.

Мне хотелось заглянуть в его глаза, но он смотрел только вперед. Может быть, он понял, что был слишком холоден в машине, и почувствовал за собой вину.

Банкетный зал отеля был прекрасно декорирован розовыми и белыми розами. Данте приобнимал меня рукой за поясницу, пока мы шли к нашему столу под приветственные крики гостей. Большинство приехали раньше нас и уже сидели на своих местах. За нашим столом находились родители, мои и Данте, мой брат Орацио и сестра Данте с мужем. Я не общалась раньше с родителями Данте, за исключением нескольких случаев ничего не значащей светской беседы. Они были достаточно любезны. Мой брат Орацио делал вид, что чем-то занят в своем iPhone, но это был всего лишь способ попытаться избежать вопросов отца.

Ария с Лукой, Маттео и Джанной и с ними семья Скудери расположились за столом справа от нас. Ария тепло мне улыбнулась и вернулась к пристальному наблюдению за сестрой и Маттео, которые находились на грани ссоры. У этой парочки будет тот еще брак. Маттео, похоже, совсем не смущали злобные взгляды Джанны в его сторону.

— Вы прекрасная пара, — сказала Инес, возвращая мое внимание к нашему столу.

Данте посмотрел на меня с непонятным выражением лица.

Нас прервали официанты, вошедшие в этот момент с тарелками в зал.

После смены четырех блюд наконец-то наступило время для первого танца новобрачных. Данте подвел меня к танцполу и притянул к своей груди. Я улыбнулась ему. Сильный и теплый, он к тому же был хорошим танцором. От него вкусно пахло теплым летним бризом и еще чем-то очень мужским. Я с нетерпением ждала того момента, когда окажусь с ним в одной постели, чтобы увидеть, что он скрывает

под тканью своего дорогущего костюма. Будь мы одни, я положила бы голову ему на плечо, но на нас все смотрели, а Данте, похоже, не любил на публике показывать близость.

Конечно, нашим гостям не было никакого дела до этого. Вскоре они начали вопить: «Целуй, целуй!»

Данте взглянул на меня сверху вниз, вопросительно приподняв бровь.

— Мы будем чтить их желания или проигнорируем их?

— Я думаю, будем чтить.

Мне очень-очень хотелось уважить их желания.

Данте сильнее притиснул меня к себе и крепко прижался своими губами к моим. Он не отрывал от меня своих голубых глаз, и на мгновение, уверена, я увидела в них что-то вроде теплоты. Но затем гости присоединились к танцу, наводнив танцпол, и наш поцелуй закончился. Вскоре после этого Фиоре Кавалларо пригласил меня танцевать, и Данте должен был вести в танце свою мать. Я улыбнулась своему свекру, не зная, как вести себя с ним. В нем присутствовала та же холодная отчужденность, что и в Данте.

— Мы с женой надеялись, что Данте выберет какую-нибудь девушку из тех, кто еще не был замужем.

Я с трудом смогла удержать улыбку на своем лице. Ни за что на свете я не хотела, чтобы кто-то из гостей понял, что Фиоре высказал мне что-то, причиняющее такую боль.

— Понимаю, — спокойно ответила я.

— Но его доводы убедили нас. Наследник нужен Данте в ближайшее время, и будет лучше, если матерью для наших внуков станет женщина постарше.

Я кивнула. Я ненавидела эту их холодную логику каждой клеточкой своего естества. Но высказать это ему в лицо не могла.

— Не хочу показаться жестоким, но это брак по расчету, и я уверен, что ты понимаешь связанные с тобой ожидания.

— Я понимаю. И с большим нетерпением буду ждать детей от Данте.

Это было правдой. Я всегда хотела детей. И даже всерьез подумывала об ЭКО, когда была замужем за Антонио, но мне хотелось узнать Данте получше, прежде чем пытаться забеременеть. Конечно, и этого

сказать его отцу я не могла. Мой брат, как и положено, принял меня у Фиоре следующим.

— Я рада, что ты смог прийти, — с благодарностью взглянув на него, произнесла я.

Его темно-зеленые глаза и почти черные волосы — единственное сходство между нами. Мы никогда не были близки, и дело было вовсе не во мне. Не знаю, изменится ли это когда-нибудь. Он обижался на нашего отца за то, что тот меня баловал; иногда я думаю, что он обижался и на меня за то, что мне, как он считал, было легче, чем ему.

— Я не смогу остаться надолго, — только и ответил он. Я кивнула, ничего другого и не ожидая. Орацио всеми силами избегал нашего отца.

Я была рада, когда меня пригласил на танец муж Инес, Пьетро. Он был молчаливым человеком и не наступал мне на ноги, поэтому я бы не возражала протанцевать с ним до конца вечера, чтобы избежать неловкой беседы. Но, разумеется, это было бы неуместно. Гостеприимство диктовало после моего танца с Пьетро танцевать с главой Нью-Йорка. В то время как Ария выглядела абсолютно комфортно рядом с Лукой, я определенно так себя не чувствовала. Тем не менее, приняла его руку, когда он пригласил меня. Он не улыбнулся. Очень редко я видела у него подобие настоящей улыбки: когда он смотрел на Арию. Данте был высок и мускулист, но с Лукой даже мне пришлось откинуть голову назад, чтобы сохранить зрительный контакт. Я знала, что за нами пристально наблюдали десятки глаз, пока мы танцевали. И тщательнее всего следил за каждым нашим шагом стальной взгляд Данте, даже при том, что сам он танцевал с Арией. Но и Лука не казался сильно довольным тем, что Данте обнимал его жену. Мужчины в нашем мире были собственниками. Такие мужчины, как Данте и Лука, были чем-то совсем запредельным.

Глава 3.2

Песня закончилась и началась следующая, и мне пришлось очень постараться, чтобы скрыть свое облегчение. На лице Луки появилось понимание. Вероятно, он привык к тому, что людям было некомфортно в его присутствии. Следующим моим партнером по

танцам стал Маттео. Я не была с ним близко знакома, но много наслышана о его характере и виртуозном владении ножом.

— Разрешите? — спросил он, театрально поклонившись.

Я в ответ сделала реверанс.

— Разумеется.

В его глазах вспыхнуло удивление. С акульей ухмылкой он притянул меня к себе. Ближе, чем рискнул Лука. Ближе, чем рискнул бы любой здравомыслящий человек.

— Уверен, я только что видел, как твой муж слегка дернулся, — пробормотал Маттео. — Я так понимаю, что это эквивалент эмоционального взрыва для такой холодной рыбы, как он.

Я выдохнула, пытаюсь задушить смех.

— Тебе не нравится тянуть резину, да?

— О, я не против за что-нибудь потянуть, — сказал он с озорным блеском в его темных глазах.

Я рассмеялась. И не утонченно, сдержанно хихикнув. Это был громкий смех.

— Я почти уверена, что это было непристойно.

Я чувствовала, что в нашу сторону уже стали коситься, но не могла сдержаться.

— Ты права. Меня предупредили быть паинькой рядом с женой Босса, чтобы не вызвать раскол между Нью-Йорком и Чикаго, — беспечно сказал он.

— Не волнуйся. Я никому не скажу.

Маттео подмигнул.

— Боюсь, для этого уже слишком поздно.

— Думаю, теперь снова моя очередь, — сказал Данте, появившись рядом с нами, его жесткий взгляд остановился на Маттео, но тот, в свою очередь, казался абсолютно невозмутимым.

Маттео сделал шаг назад.

— Конечно. Кто сможет долго остаться в стороне от такой жгучей красоты? — Он наклонился к моей руке и поцеловал ее. Я

напряглась, но не из-за поцелуя, а из-за взгляда Данте, поэтому быстро вложила свою ладонь в его, слегка сжав ее, и тут же Ария оказалась рядом с нами.

— Маттео, теперь твоя очередь танцевать со мной. — Он шагнул к ней, и Арии удалось ловко увести их подальше от нас с Данте.

— Я думала, ты собирался танцевать со мной? — выдавила я, всматриваясь в жесткие черты лица Данте.

Его глаза цвета неба остановились на мне. Он обнял меня и начал вести нас в ритме музыки. Я не была уверена, что послужило источником его гнева: ревность или неуважение Маттео.

— Что он сказал? — спросил наконец Данте.

— Хм?

— Что тебя так рассмешило?

Может, все-таки ревность была главной движущей силой. Непонятно почему, но эта мысль меня осчастливила.

— Он шутил о резине.

На лице у Данте отразилось понимание.

— Ему надо быть поосторожнее. — Угроза была очевидна. Хорошо, что Маттео и Лука этого не слышали.

— Я думаю, он немного на взводе из-за проблем с Джаанной.

— Как я слышал, он всегда имел взрывной характер, даже до его помолвки с девочкой Скудери.

— Ну не все же такие сдержанные, как ты, — сказала я.

Он приподнял брови, но ничего не ответил.

Вскоре после полуночи мы с Данте откланялись. Отель предлагал нам свои самые большие апартаменты на ночь, но Данте предпочел вернуться домой, и я была этому рада. Мне не терпелось наконец-то оказаться у него дома. Хотя, надо признать, я немного и переживала из-за того, что он делил его с покойной женой. Наверняка дом был

полон воспоминаний. Бибиана скрестила пальцы, когда я проходила мимо нее, и я не смогла сдержать улыбки.

Глава 4

Я была счастлива, что наконец пришло время для нашей брачной ночи. Моей первой настоящей брачной ночи. Я слишком долго ждала.

По дороге в особняк Данте на золотом побережье Чикаго мы не разговаривали. И это становилось для нас неприятной традицией. Я заняла себя разглядыванием потока машин через пассажирское окно, в то же время отчаянно пытаюсь скрыть свою растущую нервозность. Как это возможно — испытывать волнение и в то же время страх?

Данте снизил скорость, когда мы подъехали к огромному светло-коричневому трехэтажному особняку. Кованые железные ворота распахнулись, когда Данте нажал кнопку на приборной панели, и мы направились к двойному гаражу. Особняк моей семьи был не так далеко. Он был меньше, чем дом Данте, как и следовало ожидать. У подручного дом не может быть больше, чем у его Капо.

Припарковавшись рядом с внедорожником «Мерседес», Данте вышел, открыл дверь, затем протянул руку и помог мне выбраться из автомобиля, что с моим платьем было непросто. Его рука была теплой и надежной. Меня всегда удивляло, что его кожа не такая ледяная, как его маска. Данте отпустил меня в тот же миг, как я встала, и я едва не потянулась за его рукой, но тут же остановилась. Я не хотела на него давить. Может, он мог давать волю чувствам только за закрытыми дверьми?

Он провел меня через боковую дверь в вестибюль особняка. Пол и лестница были из темного дерева, а люстра отбрасывала на нас теплый свет. Стояла странная тишина. Я знала, что у Данте были горничная и повар, которые вели его домашнее хозяйство.

— Я дал Зите и Габи выходной, — упомянул он вскользь. Неужели он может так легко прочесть мои мысли?

— Отлично, — ответила я, а затем смутилась от того, как это прозвучало. Не то чтобы я думала, что мы устроим звуковое представление на весь дом шумом в нашей спальне, но я бы предпочла полную уединенность в нашу первую ночь вместе.

Данте напрямик направился к лестнице, затем остановился, положив руку на перила, и оглянулся на меня. Я застыла посередине вестибюля, но затем быстрым шагом приблизилась к нему и последовала наверх за ним. Мой желудок дрожал от волнения.

Это была моя вторая брачная ночь, но я была почти так же неопытна, как и несколько лет назад, и очень надеялась на то, что сегодня вечером все изменится. Мы с Антонио целовались изредка в начале нашего брака, и он пару раз даже прикоснулся к моей груди через ночную сорочку, но, когда мне стало ясно, что он не заинтересован, мы отказались от тех тщетных попыток близости.

Я хотела стать настоящей женой, настоящей женщиной, и знала, что Данте, в отличие от Антонио, вполне способен на супружеские отношения. Но это тоже было проблемой для меня. Что, если Данте заметит, что я девственница? Могу ли я это скрыть от него? Может, если я попрошу его выключить свет, мне удастся скрыть свой дискомфорт или возложить ответственность за него на нервы из-за того, что я буду с кем-то еще, кроме Антонио? Но что, если он почувствует мою девственную плеву? Что мне тогда ему сказать? Я должна была использовать вибратор, чтобы избавиться от нее, но романтик во мне не хотел потерять девственность с прибором. Это нелепо.

Ход моих мыслей прервался, когда Данте открыл дверь спальни и жестом пригласил меня войти внутрь. Я прошла мимо него, мое свадебное платье мягко шелестело от каждого движения. Я мазнула по мужу быстрым взглядом, чтобы понять его настроение, но, как обычно, выражение его лица было нечитабельно.

В комнате стояла королевских размеров кровать из черного дерева с черными атласными покрывалами. На мгновение я подумала, а не придерживался ли он этого черного оформления со времен смерти своей жены? И затем вместо этого возникла мысль куда хуже: что, если это та же самая кровать, которую он делил со своей первой женой?

— Ванная за этой дверью, — сказал Данте, кивнув в сторону двери из темного дерева справа от меня.

Я мешкала. Он хотел, чтобы я освежилась? Он закрыл дверь спальни и начал ослаблять узел своего галстука. Разве ему не хотелось меня раздеть? Он подошел к окну и стал смотреть в него, повернувшись ко

мне спиной. Я поняла намек.

Разочарованная, я вошла в ванную комнату. Она была из черного мрамора, так что, наверное, Данте просто нравился черный. Я подошла к окну, которое выходило на ту же сторону, что и в спальне, задаваясь вопросом, видел ли Данте ту же картину, что и я: штормовое озеро, темные тучи, усеявшие синее ночное небо и затмевающие полную луну; или он был далеко отсюда, потерявшись в воспоминаниях?

От этой мысли мне стало не по себе, поэтому я отвернулась от окна и начала раздеваться, чтобы быстро принять душ. При подготовке к свадьбе я сделала восковую депиляцию на ногах, потому что это было традицией, и сейчас мне не нужно было бриться. Обсохнув, я надела атласную ночную сорочку цвета сливы, которую купила специально для этой ночи, и расчесала волосы.

Мой желудок снова свело от нервов и волнения. Я дала себе несколько минут собраться, чтобы выглядеть очень опытной женщиной, которой, как предполагалось, была, и затем вернулась в спальню. Данте не сдвинулся со своего места у окна. Я недолго позволила себе полюбоваться им в этом черном костюме. Он выглядел сильным и искушенным, неприкасаемым с засунутыми в карманы пиджака руками. Ледяной, холодный, безэмоциональный, сдержанный.

Я нервно кашлянула, и он повернулся ко мне. Его холодные голубые глаза вскользь прошли по моему телу, но их выражение не изменилось. Не было даже искры желания. Ничего. Он был как будто каменный. Антонио, по крайней мере, сделал мне комплимент по поводу моей красоты в нашу брачную ночь. Он даже поцеловал меня, пытаясь притвориться, что может захотеть меня, но вскоре стало очевидно, что поцелуй никак на него не повлиял.

Но что останавливало Данте? Я была обескуражена его реакцией. Я догадывалась, что многие мужчины находили мою внешность приятной, при этом они никогда не видели меня полураздетой, но Данте, похоже, не интересовался мной. О том, что его жена не похожа на меня, я знала. В то время как я была высокой и темноволосой, она была миниатюрной со светло-каштановыми волосами.

— Ты можешь лечь. Я приму душ, — произнес он. Его взгляд на

самое короткое мгновение переместился, но затем Данте шагнул в ванную и закрыл за собой дверь.

Пытаясь справиться со своим разочарованием, я подошла к кровати и скользнула под одеяло. С Антонио я знала, что он не будет реагировать на мое тело таким образом, как мне того хотелось, но я думала, что с Данте будет иначе. Может, ему требуется время, чтобы собраться с мыслями? Сегодня это было непросто. Он любил свою жену, и новая женитьба, должно быть, действительно стала для него испытанием. Может быть, душ ему нужен был, чтобы мысленно подготовиться к брачной ночи?

Вода в душе лилась долго, и в конце концов мои веки отяжелели. Я пыталась бороться с усталостью, но в какой-то момент, должно быть, задремала, потому что резко проснулась, когда прогнулась кровать. Мои глаза метнулись на ту сторону кровати, где вытянулся Данте. Его грудь была обнажена, и я не хотела ничего, кроме как провести руками по его слегка загорелому крепкому животу и груди. Его холодные глаза остановились на мне. Невозможно было сказать, о чем он думает. Сейчас он потянется ко мне?

Я лежала на спине, ожидая, когда он что-нибудь сделает, нервничая, волнуясь и страшась. Мне нужно было остановить себя от первого шага. Не надо забегать вперед.

— Мне завтра рано вставать, — просто сообщил он, а затем выключил свет и отвернулся от меня.

Я была рада, что темнота скрыла мой шок и разочарование. Я прождала еще несколько минут, в надежде, что он передумает и заявит свои права, но он этого не сделал. Он тихо и неподвижно лежал рядом со мной, его спина была в нескольких дюймах от моей руки.

Обида наполнила меня, и я повернулась, подальше от него. Данте был с женщинами, так почему он не хотел спать со мной? Что со мной было не так, если после двух брачных ночей я все еще была такой же нетронутой, как девственный белый снег? Не знаю, смогу ли снова пройти через это. Я хотела познать страсть, испытать желание. С Антонио мне было понятно с самого начала, что попытка его соблазнить — проигранное сражение, но с Данте я должна была по крайней мере попробовать. Даже если он все еще любил свою жену, он был мужчиной. У него были потребности, и я вполне способна

дать ему то, в чем он нуждался физически, даже если свои эмоции запер под замок.

Я прислушивалась к его ровному дыханию. Хотя мы не соприкасались, я чувствовала исходящее от него тепло. Он не был айсбергом. Должен был быть способ пробить его маску.

Глава 5

Когда я проснулась на следующее утро, Данте в спальне не было. Прижав ладонь к его стороне кровати, поняла, что она уже остыла. Едва сдерживая свое негодование, но удостоверившись, что дверь закрыта, я сунула руку себе в трусики. За годы брака с Антонио я научилась с помощью пальцев достигать разрядки. Уткнувшись лицом в подушку Данте, я вдыхала его мускусный запах и фантазировала, пока доводила себя до оргазма, что это он прикасается ко мне, а после лежала на спине и долго смотрела в потолок, не зная, чего мне хочется больше: плакать или смеяться.

Выбравшись из постели, я отправилась в ванную приводить себя в порядок. На сегодняшний день я выбрала облегающее коричневое платье длиной выше колен и симпатичный красный кашемировый кардиган. Даже если Данте было плевать, я почувствую себя более комфортно, если буду безупречно выглядеть. Я вышла из спальни и замешкалась, глядя вдоль длинного коридора и гадая, что находится за другими дверьми. Придется выяснить это в другой раз. Вместо этого я спустилась по лестнице. Понятия не имела, ждал ли кто-нибудь меня на завтрак. Свой новый дом я не знала, так же как не знала людей, которые здесь работают, и самое плохое — не знала хозяина этого дома, моего мужа.

Я подошла к приоткрытым двойным дверям, но перед тем, как войти внутрь, задержалась на мгновение. Я предполагала, что Данте уже ушел, и удивилась, увидев его сидящим за обеденным столом в огромной гостиной. Как и в остальной части дома, стены здесь были светло-бежевыми, пол из темного дерева и солидная черная мебель.

За раскрытой газетой лица Данте не было видно, но, услышав, как я вошла, он ее опустил. Каблуки моих коричневых туфель цокали по паркету, когда я медленно приближалась к столу, не зная, как вести себя с собственным мужем. Антонио был моим другом, а потом стал мужем, но между Данте и мной ничего не было. Мы были

незнакомцами.

Стол был сервирован на двоих, но моя тарелка стояла не рядом с Данте, а на другом конце стола. Я оценила расстояние между нами и уже собиралась проигнорировать сервировку и сесть рядом с мужем, но растеряла всю свою храбрость и заняла место напротив.

— Я надеюсь, ты хорошо спала? — как ни в чем не бывало спросил Данте.

Газету он не убрал, все еще скрываясь за ней, и у меня появилось ощущение, что она станет очередным барьером между нами.

Он это серьезно?

— Слишком хорошо, — ответила я не без насмешки. Неужели он не понял, что я ожидала немного большего от нашей первой ночи вместе?

— Мне нужно подготовиться к встрече с Лукой. Скоро он вернется в Нью-Йорк, но я сказал ему, что ты будешь рада составить компанию Арии, пока мы обсуждаем дела.

Сомневаюсь, что Ария нуждается в моей компании. Здесь у нее была собственная семья, так что это просто предлог занять меня чем-то и ничего больше. Если Данте нужна была наивная жена, наверное, ему стоило согласиться жениться на ком-то помоложе. Но мне нравилась Ария, и отказаться от приглашения было бы грубо, так что я только скупно улыбнулась.

— Это очень любезно с твоей стороны, — мои слова сочли сарказмом. Теперь, когда мы женаты, маску вежливости поддерживать будет гораздо сложнее.

Данте встретился со мной взглядом, и в его глазах было что-то, что заставило меня потупить и схватить круассан. Я не была голодна, но это все же лучше, чем ничего не делать. Шелест бумаги вернул мое внимание к другому концу стола. Как и

ожидалось, Данте исчез за своей газетой. Таким он хотел видеть наш брак? Он даже не показал мне дом.

— Ты проведешь для меня экскурсию по комнатам? Вряд ли мне удастся достойно принять гостей, если я буду плохо ориентироваться в доме.

Данте опять опустил газету, но на этот раз положил ее на стол. Я

почувствовала неразумное желание разорвать ее в клочья.

— Ты права.

Меня охватило волнение, но оно моментально улетучилось от его последовавших за этим слов:

— Габи!

Мгновение спустя дверь, наполовину скрытая массивным буфетом, открылась, и невысокого роста девушка-подросток вошла в комнату и направилась к Данте.

— Да, сэр, чем могу помочь?

Я не смогла скрыть свое изумление. Габи тянула на ученицу старшей школы. Как она могла быть служанкой в этом доме?

— Моя жена, — кивнул Данте в мою сторону, и Габи с застенчивой улыбкой повернулась ко мне, — хочет экскурсию по дому. Я занят, поэтому, пожалуйста, покажи ей тут все.

Габи кивнула и подошла ко мне.

— Желаете отправиться прямо сейчас? — в ее голосе слышалась неуверенность, но глаза были полны любопытства. Проглотив последний кусочек круассана, я налила себе кофе.

— Да, пожалуйста. Ничего, если я возьму с собой кофе?

Глаза Габи округлились, и она бросила взгляд на Данте, который уже вернулся к чтению своей газеты. Что-то он не выглядел очень занятым. Если у него было время, чтобы прочитать новости, почему он не мог провести мне экскурсию? Но я не собиралась устраивать сцену в присутствии Габи. Данте, должно быть, почувствовал, что мы выжидательно наблюдали за ним, потому что поднял глаза.

— Валентина, теперь это твой дом. Ты можешь делать все, что захочешь.

Значит, наш разговор он слышал. И я задалась вопросом, правда ли то, что он сказал? Жаль, что во мне не найдется храбрости, чтобы проверить эту теорию. Я повернулась к Габи, сжимая кружку в ладонях.

— Ну пойдём.

Девушка кивнула и повела меня к двери, через которую ранее вошла.

— Мы начнем с кухни и комнаты для персонала?

— Делай так, как считаешь нужным, — сказала я. — Ты знаешь дом лучше, чем я.

Еще одна застенчивая улыбка промелькнула на ее лице. За дверью был узкий коридор, ведущий в большую кухню. На крюках, прикрепленных к потолку, висели кастрюли. Все они были из нержавеющей стали, и мне это больше напомнило производственную кухню, чем место, где готовилась домашняя еда. Полная пожилая женщина проверяла температуру в духовке. Внутри готовилось что-то, напоминающее жареного ягненка. Я решила, что эта женщина и есть кухарка Зита. Она обернулась, услышав, как мы вошли, и вытерла руки о белый фартук. В ее черных волосах были проблески седины, а прическа скреплена сеточкой для волос. Я предположила, что ей около пятидесяти.

— Я провожу нашей госпоже экскурсию по дому, — взволнованно сказала Габи.

Меня поразило слово «госпожа». Это прозвучало так, будто я была доминатрикс, размахивающей хлыстом. Возможно, Данте и было удобно, когда его называли «господином», но я точно не смогу смириться с «госпожой».

— Прошу, зовите меня Валентина, — быстро сказала я. — Вы обе. — Я улыбнулась Зите, но та в ответ поджала губы и окинула меня с ног до головы неодобрительным взглядом.

— Было бы неплохо познакомиться с тобой до свадьбы, — надменно пробурчала Зита.

Я изо всех сил постаралась сохранить спокойствие на лице, даже если ее тон мне не понравился. Мне не хотелось начинать общение с обслуживающим персоналом дома с неправильной ноты.

— Данте не приглашал меня, и не думаю, что было бы уместным напрашиваться.

— Госпожу Карлу он представил нам до свадьбы, — фыркнула она.

При упоминании о первой жене Данте я невольно напряглась, ничего не смогла с собой поделать. В ее голосе мне послышалось осуждение. Зита явно считала меня менее достойной, чем Карла, и у меня было такое чувство, что она не позволит мне забыть об этом. Мне не хотелось устраивать тут с ней битву характеров, и у меня

определенно не хватило бы сегодня для этого выдержки. Вместо этого я осмотрела кухню, пытаюсь сделать вид, что меня не беспокоит ее комментарий.

— Так Карла часто здесь готовила?

Зита возмущенно посмотрела на меня.

— Конечно же нет. Она была хозяйкой дома. Она не готовила и не убирала. Прежде мы с Фиби этим занимались, а потом Габи заняла место Фиби.

Габи нервно переминалась с ноги на ногу. Она явно не знала, куда себя деть.

— Что ж, меня вы будете видеть на кухне часто. Я люблю готовить,
— сказала я.

Зита расправила плечи.

— Не знаю, позволит ли это господин Данте.

Я отхлебнула из своей чашки, уверенно взглянув ей в глаза.

— Данте сказал, что я могу делать все, что захочу.

Зита отвернулась от меня, нахмурившись. Я знала, что ничего еще не кончилось.

— Почему бы тебе не показать мне остальную часть дома, Габи? Мне нужно быть готовой, когда появится Ария.

— Конечно, гос... Валентина.

Габи повела меня в комнату рядом с кухней. Это оказалась своего рода комната отдыха для персонала. Здесь обнаружили две койки, маленький телевизор и диван. Ни стола, ни стульев, но я решила, что персонал, скорее всего, собирался за деревянным столом на кухне, так как Данте явно не обедал за ним. Там же, за белой дверью, была небольшая ванная комната с душем.

— Это здесь вы с Зитой проводите свободное от работы время?

Габи покачала головой.

— Мы остаемся на кухне. Это главным образом для охранников, потому что они ночуют здесь

— Где они сейчас? — Я до сих пор не встретила ни одного.

— Они снаружи. Патрулируют территорию, либо в караульной будке.

— А что, камер наблюдения нет?

— О нет, мистер Кавалларо их не признает. Он очень закрытый человек.

— Неудивительно.

Она направилась к другой двери.

— Сюда. — Мы вошли в заднюю часть холла. Габи кивнула на две двери. — Здесь кабинет мистера Кавалларо, а там библиотека.

Мистер Кавалларо не любит, чтобы его беспокоили, когда он в своем кабинете. Она вспыхнула. — Ну то есть, имею в виду нас. Конечно же он будет только рад, если вы его побеспокоите. — Девушка закусила губу.

Я дотронулась до ее плеча.

— Я поняла. На этом этаже есть еще комнаты?

— Только гостиная-столовая и ванная комната для гостей.

Когда Габи повела меня наверх, я спросила:

— Сколько тебе лет?

— Мне семнадцать.

— Разве ты не должна еще ходить в школу? — Сейчас я была похожа на свою мать, но застенчивый характер Габи вызвал во мне материнские чувства, хоть она была всего на шесть лет меня моложе.

— Я работаю у мистера Кавалларо три года. В этот дом я попала уже после смерти его жены. Я никогда ее не видела, но Зита очень по ней скучает, поэтому была груба с вами.

Мои глаза округлились.

— Три года? Это ужасно.

— О нет, — быстро ответила Габи. — Я благодарна. Если бы не мистер Кавалларо, я уже, наверное, была бы мертва или что похуже.

— Она вздрогнула, и ее глаза потемнели. Ясно, что девушка не хотела об этом распространяться. Я должна позже поговорить о ней с Данте. Габи ускорила шаг и показала на двери на этом этаже. — Здесь гостевые спальни. И рядом с вашей спальней есть комната, которую вы можете использовать для своих целей. Детская и две

дополнительные комнаты находятся на третьем этаже.

Мой взгляд остановился на двери в конце коридора, которую проигнорировала Габи. Я пошла в ее направлении.

— Что насчет этой?

Габи схватила меня за руку, прежде чем я успела повернуть ручку.

— Здесь мистер Кавалларо хранит вещи своей первой жены.

Мне было трудно сохранить каменное лицо.

— Конечно, — сказала я. Она не закрыта, иначе Габи не стала бы останавливать меня. Вернусь одна и узнаю все о женщине, которая отбросила такую огромную тень на мой брак.

Спустя час я показывала гостиную Арии. Вести себя как хозяйка дома было странно: как будто я была самозванкой. Ария выглядела уставшей, когда опустилась на диван рядом со мной. У нее под глазами залегли темные тени. Наверное, ее ночь была гораздо длиннее моей.

— Кофе? — спросила я. Габи поставила на столе кофейник и разную выпечку.

— Боже, да, — сказала Ария с извиняющейся улыбкой. — Я даже не буду спрашивать тебя о твоей ночи. Ты наверняка спала еще меньше, чем я.

Я налила кофе и протянула ей чашку, пока пыталась придумать ответ.

— Я хорошо выспалась, — ответила я уклончиво.

Ария с любопытством посмотрела на меня, но больше спрашивать не стала.

— Ну так что, у вас с Данте был шанс узнать друг друга получше?

— Еще нет. Не было времени.

— Из-за нас? — встревоженно спросила Ария. — Лука с твоим мужем должны обсудить пару моментов, касающихся свадьбы Маттео и Джианны. — Мне послышалось напряжение в ее голосе.

— Джианне по-прежнему это не нравится?

Ария спрятала улыбку за своей чашкой.

— Это преуменьшение.

— Может, ей просто нужно немного больше времени? Помню, как напугана была ты перед своей свадьбой с Лукой, а сейчас вы двое, кажется, прекрасно ладите. — Конечно, я понимала, что внешность бывает обманчива. И я не знала, что происходит между ними за закрытыми дверьми.

— Я понимаю, но мы с Лукой хотели помочь им. Я подозреваю, что прямо сейчас главная цель Джианны — так достать Маттео, чтобы он отменил свадьбу.

— Не каждой паре удастся поладить, — тихо сказала я.

— Я уверена, что у вас с Данте будет прекрасный брак. Вы оба всегда так уравновешенны и сдержанны.

— Я далеко не так уравновешенна, как Данте, — фыркнула я.

— Он немного холоден внешне, но если оттаивает рядом с тобой, то все в порядке, — улыбнулась Ария.

— Так Лука не всегда такой пугающий? — пошутила я.

Щеки Арии заалели.

— Конечно, он не такой.

Видя, как счастлива Ария, я воспряла духом. Если у нее получился брак с кем-то вроде Луки, значит и я смогу жить в согласии с Данте.

Глава 5.2

Беседа Луки и Данте длилась дольше, чем ожидалось, и я уже начала переживать. Приятелями они точно не были, но в конце концов появились, и мы решили вместе пообедать. Вот зачем Зита приготовила жаркое из баранины.

Мы расселись за столом. Данте не сел во главе стола, как было утром. Вместо этого мы с ним сели по одну сторону, а Лука и Ария — напротив нас. Между Данте и Лукой была заметная напряженность, и я уже сомневалась, так ли хороша эта идея с обедом. К счастью, Зита подала еду почти сразу, так что мы были заняты тем, что наслаждались ягненком, который хотя бы на короткое время поднял

настроение. Но, стоило нашим тарелкам опустеть, оптимистичный настрой быстро сошел на нет.

Лицо Данте было еще более холодно, чем обычно. Его словно вырезали из мрамора. Лука казался ненамного счастливее, но его сжатым губам сопутствовал еще полыхающий огонь в глазах. Я переводила взгляд от одного к другому, но, очевидно, они не собирались говорить друг другу больше того, что уже обсудили во время своей беседы.

Ария бросила на меня умоляющий взгляд.

Мне пришлось спасти ситуацию как хозяйке дома.

— Ну, и когда свадьба?

Данте пренебрежительно фыркнул.

— Если так и дальше будет продолжаться, то никогда.

— Если так и дальше будет продолжаться, то будет красная свадьба,
— резко ответил Лука.

Я приподняла брови, а Габи, вошедшая с новой бутылкой вина, застыла.

— Красной свадьбы не будет, — сказала Ария. Она повернулась к Данте. — Вы могли бы подобрать Маттео другую невесту из Синдиката.

Я чуть не подавилась.

— Ария, — предупреждающе рыкнул Лука. — Маттео не согласится на другую невесту. Либо Джианна, либо никто. — Он уставился на Данте, который не выглядел особо впечатленным. — Не сомневаюсь, что для того, чтобы Джианна подчинилась, у Босса достаточно авторитета в своей Семье.

Я рукой поманила Габи к столу. Может, вино сможет отвлечь мужчин от желания разорвать друг друга на части.

— По поводу своего авторитета я не беспокоюсь. Никто из Синдиката не пытается свергнуть меня. — Данте обнажил зубы в улыбке, от которой у меня пробежала дрожь по спине.

Эти двое выглядели так, как будто находились в секунде от того, чтобы схватиться за оружие. И у меня не было уверенности в том, кто выйдет победителем из этой битвы. Скорее всего, умрут оба,

погрузив при этом Синдикат и нью-йоркскую Семью в открытую войну друг с другом.

Лука вскочил, оттолкнув при этом от себя стул. Габи, собиравшаяся наполнить его бокал, вскрикнула и выронила бутылку вина, закрыв руками лицо в защитном жесте. Какое-то мгновение никто не шевелился. Данте тоже встал. Только Ария и я остались сидеть, практически застыв на своих стульях.

— О Нью-Йорке не волнуйся. Просто проследи за выполнением своей части сделки, — прорычал Лука. Он протянул руку, и Ария взялась за нее, поднимаясь со стула. — Нам нужно спешить на самолет. — Она одарила меня извиняющейся улыбкой.

Я выпрямилась и взглянула на Габи. Девушка все еще стояла, парализованная, возле стола, и лужа красного вина растекалась вокруг ее туфель.

— Я провожу вас, — сказала я Луке с Арией.

Пока вела их через холл, Данте следовал по пятам, как будто беспокоился, что Лука со мной что-нибудь сделает, что казалось мне маловероятным. Данте и Лука не пожали друг другу руки на прощание, но, несмотря на это, я крепко обняла Арию. Ни за что не позволю мужьям встать на пути у нашей дружбы. По крайней мере, попытаюсь. Если отношения между Чикаго и Нью-Йорком действительно полетят под откос, мне даже словечком обмолвиться с Арией не позволят. Я постояла, наблюдая за их отъездом, а затем повернулась к Данте, все еще стоявшему у меня за спиной.

— Что это было?

Данте покачал головой.

— Мой отец не должен был соглашаться на брак второй дочери Скудери с Нью-Йорком. Это добром не кончится.

— Но ведь у Арии с Лукой, похоже, все прекрасно сложилось, и Синдикат мирно сотрудничал с Нью-Йорком уже много лет.

— Их брак был фиктивным, а Маттео Витиелло хочет Джианну Скудери просто из-за того, что вбил себе в голову, что ему нужно заполучить ее. Это не лучшая основа для принятия решения. Эмоции в нашем деле только мешают.

Я моргнула. Снова его холодные аргументы.

— Ты никогда не жаждал чего-то до такой степени, что мог сделать что угодно, чтобы получить это? — Я поняла, что это неправильный вопрос в тот же самый миг, как слова вылетели из моего рта, но забрать назад их уже не могла.

Его холодные глаза встретились с моими.

— Да. Но мы не всегда получаем то, чего хотим. — Он говорил о своей жене. Он хотел, чтобы она вернулась.

Я через силу сглотнула и кивнула.

— Мне нужно позвонить Бибиане. Хочу завтра с ней встретиться.

Я медленно развернулась и стала подниматься по лестнице, ощущая неотрывный взгляд Данте на себе. Я была рада, что он не видел моего лица.

Глава 6

После моего недолгого звонка Бибиане я отправилась в библиотеку. Она была заполнена в основном научными трудами и старой классикой — ничего, что могло бы меня увлечь, но я не хотела отправляться на поиски Данте и уж тем более не горела желанием просить свою мать приехать. Она бы сразу решила, что что-то не так, и, хотя так и было, мне не хотелось, чтобы она узнала об этом. Она была так счастлива, когда узнала, что я буду женой Данте. Мне не хотелось разрушать ее иллюзии признанием, что Данте равнодушен ко мне.

Я взяла учебник по основам русского языка. Единственными языками, на которых я говорила, были итальянский и английский, поэтому могла бы выучить и тот, на котором говорили наши враги, и это заняло бы меня надолго, пока Данте был занят игнорированием меня.

Наконец, урчание в животе выманило меня в направлении кухни. На часах было уже почти семь, но на ужин меня никто не звал. Войдя на кухню, я обнаружила Зиту, Габи и двоих мужчин, ужинающих за деревянным столом.

Я замешкалась в дверном проеме, неуверенная, входить ли, но Зита посмотрела в мою сторону, и я не могла больше топтаться на месте. Я шагнула вперед, со всей остротой ощущая себя чересчур разодетой в

своем изящном коричневом платье. Все развернулись в мою сторону, и двое мужчин немедленно вскочили со своих мест. Поверх своих черных рубашек они носили кобуру с пистолетами и ножами. Обоим были около тридцати, и очевидно, что они являлись охранниками.

— Хозяин уже поужинал в своем кабинете, — сообщила мне Зита.

— Я все равно была занята чтением, — ответила я, надеясь, что это прозвучало достаточно равнодушно. Я сконцентрировала все свое внимание на двух мужчинах, которые все еще стояли и смотрели на меня. — Мы еще не знакомы.

Я подошла к ним, протянув руку мужчине повыше, со стрижкой «под ежик» и шрамом на брови:

— Я Валентина.

— Энцо, — представился он.

— Тафт, — сказал другой мужчина. Он был на пару дюймов ниже, но гораздо массивнее.

— Можно мне присоединиться к вам быстренько поужинать? — Я могу хотя бы попытаться познакомиться с людьми, с которыми буду видеться каждый день в ближайшие несколько лет, а возможно и дольше.

Оба мужчины согласились тут же. Габи тоже казалась радостно взволнованной по поводу перспективы моего присутствия; только Зита с трудом скрыла свое неодобрение.

— Ты уверена, что хочешь именно этого? — Она кивнула на разложенные сыры, пармскую ветчину и прекрасный итальянский хлеб.

— Я бы не спрашивала, если бы это было не так, — ответила я, присаживаясь рядом с Тафтом.

Он поднял бутылку вина. Я кивнула и взяла один из простеньких бокалов для вина с подноса в конце стола. Вино было таким же восхитительным, как и еда. Я не спускала глаз с Габи, которая, к счастью, не пила вина. Тафт и Энцо не бросали на нее заинтересованных взглядов, что меня еще больше успокоило, но я не могла забыть выражение страха на ее лице, когда Лука вскочил на ноги. Безусловно, он и в свои лучшие дни был устрашающим парнем, но здесь было нечто большее. У меня сложилось впечатление, что

Габи боялась мужчин. Только оставалось выяснить, почему. Тафт и Энцо остановились после двух бокалов вина; до утра у них еще были обязанности по охране и вряд ли они смогли бы выполнять свою работу пьяными, но мы с Зитой опорожнили бутылку. С дозой алкоголя в крови Зита оказалась намного приятнее. Или, может, мой хмель заставил меня закрыть глаза на ее грубость. В любом случае я очень хорошо провела время. Мужчины знали толк в грязных шутках, и совсем скоро я забыла, что фактически была их боссом.

После еще одной особенно непристойной шутки, от которой Габи спрятала лицо в ладонях, а я хохотала так, как будто сто лет не смеялась, дверь в кухню открылась, и вошел Данте. Его глаза мгновенно оценили обстановку в помещении, пока не остановились на его парнях, а затем и на мне. Его челюсть напряглась, когда он рассерженно взглянул на Тафта с Энцо.

— Вам разве не нужно патрулировать снаружи? — спросил Данте опасно тихим голосом.

Оба мужчины тут же встали и молча покинули кухню.

— Нам с Габи тоже пора домой. Мы приберем кухню завтра, — пробормотала Зита, хватая пальто и натягивая его. — Габи, пошли. — Габи послала мне извиняющийся взгляд, хотя она не совершила ничего плохого.

Спустя пару минут мы с Данте остались на кухне одни. Я не сделала ничего такого, так что извиняться не собиралась. Осушив свой бокал с красным вином, я посмотрела на Данте, который, кажется, застыл абсолютно неподвижно, пока наблюдал за мной. Я поднялась со стула. В положении стоя, по крайней мере, мне не нужно было наклонять голову назад, чтобы посмотреть Данте в глаза.

— Почему ты ела с Энцо и Тафтом?

Я чуть не рассмеялась.

— Габи и Зита тоже здесь были. — Да он ревнует? Или считает, что я отвлекаю мужчин от работы?

— Ты могла поесть в столовой.

— Одна? — спросила я напряженным голосом.

Данте двинулся ко мне, и я застыла, несмотря на свои лучшие намерения.

— Я не играю в игры, Валентина. Если тебе что-то не нравится, скажи это и не пытайся меня спровоцировать.

Он стоял так близко, пряный аромат его лосьона после бритья захлестнул мое обоняние. Я боролась с желанием схватить его за лацканы и притянуть для поцелуя.

— Я не пыталась спровоцировать тебя, — сказала я как ни в чем не бывало. — Я была голодна и не хотела ужинать в одиночестве, поэтому решила поесть на кухне.

— Ты должна держаться подальше от охранников. Я не хочу, чтобы люди неправильно истолковали твое дружелюбие, приняв его за что-то иное.

Я отступила на шаг назад.

— Ты обвиняешь меня во флирте с твоими парнями?

— Нет, — просто сказал он. — У нас был бы совсем другой разговор, если бы я думал, что ты с ними флиртуешь.

Я подняла подбородок, не желая позволить ему запугать меня, неважно, насколько он был пугающим.

— Я не буду есть в одиночестве.

— Ты предпочла бы, чтобы мы каждый вечер ужинали вместе?

— Конечно же да, — с раздражением ответила я. Было много того, что мне хотелось делать вместе с ним вечером. — Мы женаты. Не этим ли занимаются женатые люди?

— Вы с Антонио ели вместе?

— Да, если он не уезжал на работу. — Или на свидание со своим любовником Фрэнком.

Данте кивнул, как будто мысленно собирал информацию. Я слышала, как кто-то однажды сказал, что у него была фотографическая память, которая делала его опасным противником, которого было трудно перехитрить, но я не была уверена, что это правда.

Я смягчила голос:

— Что насчет тебя и твоей первой жены? Вы ели вместе?

Я практически увидела, как опустилось его забрало. Завеса холодного бесчувствия скользнула по его лицу. Он дернул вверх свой рукав,

обнажив золотые часы.

— Поздно уже. Рано утром у меня встречи в наших казино.

— Ну конечно.

— Ты можешь не ложиться спать, если не устала.

— Нет, от вина меня клонит в сон.

Мы вдвоем вышли из кухни и поднялись наверх. На этот раз Данте первым скрылся в ванной. Я полезла в свой ящик за откровенным топом из атласа и трусиками в комплект к нему, которые едва прикрывали мой зад. Может, от этого холодная кровь Данте наконец закипит.

Я нервно меряла шагами спальню, гадая, что будет сегодня ночью. Может быть, вчера была своего рода отсрочка? Дверь ванной открылась, и Данте шагнул в спальню. Как и вчера, он был обнажен до талии. Я дала себе несколько минут полюбоваться на его тело. Даже шрамы не сделали его менее великолепным. Они только добавили ему сексуальности, если это вообще возможно. Данте остановился, и я мгновенно отвела глаза и поспешила в ванную.

Торопливо приняв душ и почистив зубы, я надела белье. Шоу начинается. Я вышла из ванной. Данте уже был в постели, прислонившись спиной к изголовью, в руках у него был iPad. Он поднял глаза, и взгляд его заскользил по моему телу, задерживаясь на всех правильных местах. Предвкушение, смешанное с нервозностью, затопило меня, пока я медленно приближалась к кровати, убедившись, что Данте как следует меня разглядел. Он еще не отвел взгляда, но и свой iPad не отложил. Я устроилась рядом с ним, упершись спиной в спинку кровати, и не стала натягивать покрывало, потому что хотела, чтобы Данте увидел как можно больше. Я встретила с ним взглядом. Как обычно, он был непроницаем, но и не таким холодным как обычно. Он поставил iPad на свою тумбочку, и я чуть ли не вздохнула облегченно, но сразу после этого он сместился вниз и прилег. Смутившись, я сделала то же самое, но повернулась на бок, лицом к нему. Он еще не выключил свет. Это должен быть хороший знак, и к тому же я поняла, что он все время пялится на мою грудь. Если бы у меня было больше опыта, я бы проявила инициативу сама, но я волновалась, что раскрою свою неопытность перед Данте, если рискну начать. Если бы он сделал первый шаг, я могла бы подстроиться под него и, хотелось бы

надеяться, смогла бы произвести впечатление опытной женщины, которой будто бы уже была.

Данте отвернулся, закрыл глаза и скрестил руки на животе. Его челюсти были крепко сжаты. Он был зол? Похоже, он был на грани взрыва. Может быть, ему не понравилось, что я была такой напористой и практически пихала свои сиськи ему в лицо. Может, он предпочитал, чтобы его женщины были скромны и боялись собственной тени.

Расстроенная, я тоже перевернулась на спину.

— Что произошло с Габи? — Если уж секса у нас нет, мы можем просто разговаривать. Все лучше, чем неловкая тишина.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Данте, не открывая глаз.

— Она сказала, что работает на тебя в течение трех лет, но ей всего семнадцать. Разве ей не нужно ходить в школу?

Холодные синие глаза Данте распахнулись, внимательно сосредоточившись на потолке.

— Три года назад мы в отместку напали на два русских клуба. Они получают львиную долю своих денег от торговли людьми. Женщины в их клубах — главным образом секс-рабыни. Женщины и девочки, которые были похищены, а затем вынужденные заниматься проституцией. Когда мы захватили два клуба, нам нужно было решить, что делать с женщинами. Мы не могли позволить им разгуливать по Чикаго после того, что они видели.

У меня скрутило желудок.

— Вы убили их?

Данте даже не дрогнул.

— Большинство из них были нелегалами. Мы отправили их обратно в Украину и Россию. Остальные переехали. Тех, кто захотел работать в наших клубах, мы оставили.

— Так что насчет Габи?

— Она была ребенком. Юных девочек, которых мы нашли, отправили в семьи, где они могли работать горничными или поварами.

— Или стать любовницами, — сказала я, потому что не сомневалась, что некоторые мужчины не могут не лапать беспомощную девушку

под своей крышей.

Данте нахмурился.

— Даже среди членов мафии педофилия неприемлема, Валентина.

— Я знаю, но Габи уже не выглядит как ребенок, наверное, как и другие девушки.

— Ты полагаешь, что я приставал к Габи? — Данте свирепо взглянул на меня.

— Она сегодня чуть от страха не умерла, когда Лука вскочил. Может быть, один из твоих людей...

— Нет, — твердо ответил Данте. — С тех пор, как она вошла в этот дом, к ней никто не применял никакого насилия. Она под моей защитой. Мои люди это знают.

— Хорошо. — Я поверила ему еще и по той причине, что полагала: ни один из его людей не осмелился бы пойти против прямых приказов Данте. Если Габи была под его защитой, она была в безопасности. — Могу поспорить, что эти девушки принесли бы тебе кучу денег. По этой причине русские похищают юных девушек. Откуда угрызения совести? Как будто у самого Синдиката нет клубов с проститутками, и не похоже, что эти женщины просто могут перестать работать на мафию в любое время, когда захотят этого сами. — Мне и правда было любопытно. В конце концов, Данте был убийцей.

— Синдикат не занимается секс-рабством. Женщины в наших клубах начинают работать на нас по собственной воле, и они понимают, что будут связаны с нами навсегда. Мы зарабатываем достаточно денег на наших казино и наркотиках, нам не нужны секс-рабыни или нелегальные гонки, как русским и семье Лас-Вегаса.

— А что насчет Нью-Йорка? Они занимаются секс-рабством?

— Нет. Это точно только семья Лас-Вегаса. Я не говорю, что в Синдикате нет голосов, которые хотели бы это поменять, но, покуда я Капо, этого не произойдет.

— Хорошо, — кивнула я.

Глаза Данте на мгновение смягчились, но затем он отвернулся и выключил свет.

— Доброй ночи, — прошептала я.

Я все еще была разочарована тем, что Данте не тронул меня, но, по крайней мере, он говорил со мной на равных, а не как с глупой бабой, которая знать ничего не должна о бизнесе.

— Доброй ночи, Валентина, — ответил Данте в темноте. В его голосе появилось что-то, чего я не смогла определить, и я слишком устала, чтобы пытаться.

Глава 7

Если я думала, что наш с Данте разговор прошлой ночью заставит его пересмотреть свое местоположение во время завтрака или вызовет у него желание поговорить со мной, то очень сильно ошибалась. Как и предыдущим утром, после быстрого приветствия он исчез за своей газетой. А бороться за его внимание у меня настроения не было. Уж слишком я была сбита с толку и больно задета его неизменным равнодушием ко мне. Я только пожевала немного фруктов и выпила чашку кофе, прежде чем удалиться. Данте даже глаз от газеты не оторвал, когда я вышла.

В другое время я бы спросила, хочет ли он, чтобы я взяла для поездки к Бибиане одного из его охранников, но сейчас была слишком рассержена. Права у меня имелись. После того, как мы с Антонио поженились, он предложил, чтобы я их получила, что, к сожалению, для мужчин нашего круга не было нормальным. Натянув пальто и схватив свою сумочку, я протопала в гараж. Ключи от дома и гаража выдал мне Данте. Из трех припаркованных в гараже машин внедорожник «Мерседес» больше всех привлек мое внимание. Я сняла с крючка на стене ключи и залезла в машину. Несколько мгновений потребовалось на то, чтобы отыскать на приборной панели кнопку, которая открывала гараж, и мне удалось, наконец, выехать наружу, а затем по подъездной дорожке вниз. Незнакомый мне охранник патрулировал вдоль периметра ограды, но, когда я другой кнопкой открыла ворота, остановить меня не попытался. Я выехала, и ворота закрылись за мной автоматически.

Было приятно вновь оказаться за рулем, даже при том, что я недолюбливала оживленный трафик в Чикаго, но мне так давно не разрешали прокатиться одной. После смерти Антонио мои родители были полны решимости как следует присматривать за мной и не

позволяли выходить в одиночку. Маршрут к дому Бибианы я выучила наизусть, ведь за эти годы ездила туда много раз, и на дорогу от особняка Данте у меня ушло всего десять минут.

Дом Бибианы и Томмазо был гораздо меньше, чем у Данте или даже моих родителей. Здесь не было длинной подъездной дорожки, где можно было бы припарковаться, поэтому мне пришлось оставить машину на улице. Не сказать, чтобы я беспокоилась, что кто-то ее угонит. Кварталы, где жили члены мафии, как правило достаточно безопасны, если не считать за риск нападения Братвы или Триады. Подходя к входной двери, я заметила на противоположной стороне улицы одного из людей Томмазо, сидящего в машине и наблюдающего за домом. У Томмазо было не такое высокое положение, как у мужчин в моей семье или Скудери, но и рядовым солдатом он не был. Он всегда возле дома оставлял охрану для безопасности Бибианы, или, что было ближе к истине, для того, чтобы убедиться, что она не сбежит.

Охранник не остановил меня, лишь склонил голову в знак уважения. Я нажала на звонок. Бибиана открыла дверь, заглянув мне через плечо.

— Где твои охранники?

Я пожала плечами.

— Я их не взяла. Данте не говорил, что я обязана.

— Тебе не влетит?

Она закрыла дверь и потащила меня в гостиную. Ее мужа, как всегда, не было дома. Бибиана, само собой, не возражала. С тех пор, как Томмазо стал пропадать на работе целыми днями, она набрала пару килограммов и сейчас уже не выглядела такой худой.

— За что? — удивилась я. Сомневаюсь, что Данте будет беспокоиться обо мне, даже если я дома останусь без охраны. Он же слишком занят бог знает чем.

— Будь осторожна. Данте опасный человек. Он всегда выглядит таким спокойным и уравновешенным, но Томмазо говорил мне, что Данте не терпит неповиновения, — обеспокоенно произнесла Бибиана.

Это и неудивительно. Но начнем с того, что я не могла проявить неповиновение, если он ничего мне не приказывал.

— Я не его солдат.

Я присела на диван. Бибиана села рядом, с любопытством поглядывая на меня.

— Ну, как прошла твоя первая брачная ночь?

Я поморщилась.

— Я прекрасно выпалась, — с сарказмом ответила я.

Бибиана моргнула.

— Что? Я не то имела в виду.

— Я знаю, что ты имела в виду, — сказала я расстроенно. — Ничего не было. Данте дал мне от ворот поворот.

— Он не попытался переспать с тобой? А прошлой ночью?

Мне бы хотелось, чтобы Бибиана не выглядела настолько ошеломленной; из-за этого я почувствовала себя еще хуже. Как будто в том, что мне не удалось заставить Данте захотеть меня, была моя вина. Я знала, что она так не думала.

— Он меня даже не поцеловал. Просто улегся рядом и сказал, что ему рано вставать, а потом выключил свет и заснул. Это что, брачная ночь? — Я откинула голову на спинку дивана. — Я не понимаю.

— Может быть, он действительно устал, — осторожно сказала Бибиана.

Я повернула голову и посмотрела на нее.

— Ты правда в это веришь? На мой взгляд, он был полон сил. А вчера? Тоже устал? — Я прикусила губу. — Может, это все из-за его жены, как считаешь?

Бибиана нервно наматывала прядь своих каштановых волос на палец.

— Может быть. Я слышала, он ее обожал. Они были идеальной парой в Чикаго.

Я никогда раньше особо не обращала внимания на Данте и его жену, но вспомнила, что видела их вместе на светском мероприятии, и они смотрелись так, как будто были созданы друг для друга. В нашем мире было не так много супружеских пар, которые были вместе из-за того, что любили друг друга. Большинство женились по расчету, но, глядя на Данте с его женой Карлой, было понятно, что им суждено

быть вместе. Судьба жестоко разлучила их и еще более жестоко бросила меня в объятия мужчины, который когда-то уже нашел любовь своей жизни.

— У него, наверное, не было женщины с тех пор, как его жена умерла. Может, в этом причина того, что он даже не попытался приступить к супружеским обязанностям?

Бибиана отвела взгляд и потянулась к стоящему перед нами столу за макаруну на серебряной этажерке. Она запихала его себе в рот и начала сосредоточенно жевать. Страх начал подниматься во мне откуда-то изнутри.

— Биби? — У нее забегали глаза. Она сглотнула и потянулась за следующей сладостью, но я остановила ее, схватив за запястье. — Ты ведь знаешь что-то. У Данте была любовница после смерти его жены?

Бибиана вздохнула.

— Я не хотела тебе рассказывать.

Ее слова опустошили меня.

— Почему?

Потому что у Данте постоянная любовница? Кто-то, на ком он не мог жениться по социальным или политическим соображениям? И поэтому он выбрал вдову — меня, чтобы не обманывать бедную невинную девушку. У меня закружилась голова.

Бибиана крепко сжала мою руку.

— Эй, все не настолько ужасно. Успокойся. Ты же не собираешься упасть в обморок прямо сейчас?

Я взяла зеленый макарун и засунула его в рот. Сладкий вкус фисташки распространился по языку, и я немного расслабилась.

— Ну так выкладывай, пока я не придумала других сценариев, один ужаснее другого.

Конечно, Бибиане не терпелось спросить, что я успела напридумывать, но, к счастью, она не стала этого делать. Бибиана знала меня достаточно хорошо, чтобы все понять. Мы дружили с пеленок. Моя кухня, самая близкая ко мне по возрасту, с которой мы проводили каждую свободную минуту, были неразлучны даже в школе, за исключением тех занятий, которые не были у нас общими,

потому что я была старше на год. Мы держались вместе еще и потому, что с обычными людьми нам подружиться было сложно. Ничего не изменилось даже после замужества. Мы стали еще ближе, если такое вообще возможно, потому что могли поделиться друг с другом своими проблемами в браке, не переживая, что кто-нибудь узнает.

— Муж говорил, что Данте часто посещал клуб «Палермо».

Я застыла. Ночной клуб «Палермо» принадлежал мафии, и в нем были не только танцы у шеста и стриптиз, но ещё и проституция. Муж Бибианы был управляющим в клубе.

— Что ты имеешь в виду?

Щеки Бибианы стали пунцовыми. Похоже, она уже пожалела о том, что заикнулась об этом.

— Он снимал проституток для секса.

Я сжала губы, силясь понять, из-за чего так больно. Буквально вчера ночью мы говорили о проституции. Почему он ничего не сказал? Я практически увидела, как бы могла пройти эта беседа.

— Но больше нет, правильно?

— О нет, это было давно. Примерно через год после смерти жены у него настали не лучшие времена, и пару раз в неделю Данте приходил в клуб, чтобы «выпустить немного пара», как выразился Томмазо.

Это было еще до нашего брака, и все же осознание того, что Данте спал с проститутками, а меня даже поцеловать не пытался, сильно ранило.

— Так для него не проблема переспать с другими женщинами, он просто не хочет спать со мной.

— Нет, это не так. И, как я уже сказала, в «Палермо» он давно не появлялся.

— Хорошо, но это не отменяет того факта, что он не хочет спать со мной. Я могла принять это с Антонио, потому что знала, что в этом нет ничего личного. Его не тянуло ко мне, потому что он вообще не интересовался женщинами, но в чем причина незаинтересованности Данте? Может, он не находит меня привлекательной?

— Не смей меня, Вэл. Ты великолепна. Ему нужно быть слепым,

чтобы не увлечься тобой. Может, он не хотел на тебя давить? Ты потеряла мужа меньше года назад, и Данте не знает, что вы с Антонио никогда не были настоящей парой.

— Не то чтобы я не скучала по Антонио, — сказала я, оправдываясь.

— Мне не хватает наших разговоров и его доверия ко мне.

— Я знаю, что это так, но физически ты не скучаешь. А Данте, наверно, думает, что ты пока не готова к другому мужчине.

Я задумалась. Это казалось логичным объяснением, а Данте был сама логика. С другой стороны, Данте — мафиози, а они обычно особой чувствительностью не отличаются.

— Сколько ты знаешь мужчин, которые будут беспокоиться об этом?

— Томмазо точно бы не стал, — поморщилась Бибиана.

— Вот видишь, — сказала я, чувствуя себя все несчастнее. — Маловероятно, что только совесть мешает Данте спать со мной. Он убийца и профи притом. Он заслужил место Босса.

— Но это не значит, что у него нет никаких сомнений. Я знаю, что он категорически не одобряет изнасилование.

— Он не одобряет? — фыркнула я.

Бибиана строго взглянула на меня.

— Я серьезно. Данте сказал своим людям, что кастрирует всякого, кто воспользуется изнасилованием для пытки, наказания или развлечения. Томмазо от этого приходит в ярость, потому что считает, что волен делать в клубе «Палермо» с женщинами все, что захочет.

Насчет этого у меня ни на секунду сомнений не возникало. Я уже потеряла счет, сколько раз за это время он изнасиловал Бибиану. Конечно, в нашем мире никто не называл это изнасилованием, потому что она была его женой, а ее тело принадлежало ему. Мне больно было даже думать об этом.

— Ладно, предположим, у него есть кое-какие сомнения.

Это имело смысл после того, что Данте вчера рассказал о Габи. Может, он на самом деле не хотел быть инициатором чего-либо в отношении меня, считая, что я все еще скорблю по Антонио.

— А если тебе самой сделать первый шаг? — предложила Бибиана.

— Я полуголая гарцевала вокруг него вчера, куда уж больше?

— Ты можешь его поцеловать. Потрогать его.

Как надо целоваться, я знала. Антонио несколько раз целовал меня. Было приятно. По крайней мере, мне, так что поцеловать Данте будет мне по силам.

— Потрогать его? Ты имеешь в виду его... сама знаешь что?

Бибиана покраснела.

— Ну да, а что? Я никогда первая не начинала с Томмазо, но он всегда хочет, чтобы я прикоснулась к нему там и отсосала ему. — Бибиана взяла еще один макарун. Я знала, что она ненавидит говорить о сексе с Томмазо. Кому бы понравилось?

— Прикоснуться к нему не должно быть слишком трудно.

— О, это будет трудно и твердо.

Я рассмеялась.

— О, уже грязные шутки пошли в ход? Это макаруны на тебя так действуют?

Бибиана хихикнула и помотала головой.

— С тобой все будет в порядке. Даже если ты ему отсосешь, то не сможешь сделать что-нибудь не так. Осторожнее с зубами, и ты должна проглотить — это два самых главных момента.

Я постаралась скрыть гримасу отвращения. Мне не столько была отвратительна идея сделать минет Данте, сколько мысль о том, что Бибиана должна глотать сперму Томмазо. От этого хотелось блевать.

— Хорошая сторона в минетах состоит в том, что большинство мужчин их любят, поэтому, даже если вы не занимаетесь сексом, таким способом ты можешь сделать его счастливым.

Я надеялась, что до этого не дойдет. Мне известно, что единственный оргазм, который испытала Бибиана, был от ее собственной руки, но я не хотела повторить ее судьбу.

— Я попробую сегодня вечером, — пообещала я, почувствовав себя полной надежд.

— Позвони мне завтра. Я хочу знать, как все прошло.

— Не волнуйся, если произойдет что-то захватывающее, ты узнаешь

об этом первая.

Этой ночью, едва Данте оказался в постели, я, собрав всю свою храбрость, подобралась к нему и прикоснулась к его обнаженной груди. Она была теплой и твердой. Данте затих от моего прикосновения, сдвинув брови и наблюдая за мной. Я наклонилась и прижалась своими губами к его. Данте тут же углубил поцелуй, скользнув языком мне в рот. Этот поцелуй не был похож на те, что я испытала с Антонио. Данте захватил мой рот, заставляя меня дрожать от жажды большего, и я опустила руку к низу его живота. Данте отпрянул и схватил меня за руку, останавливая. Он покачал головой, его глаза загорелись какой-то тьмой и злобой.

— Валентина, теперь ты должна спать.

Я непонимающе уставилась на него. Что это было? Он поцеловал меня так, как будто хотел поглотить, а затем остановился без каких-либо объяснений. Я вырвала руку из его хватки, борясь с подступающими слезами гнева. Молча отвернувшись спиной к Данте, я закрыла глаза.

— Я знаю, что ты сегодня ездила к Бибиане без охраны. Такого больше не должно повториться. Тебе можно ходить куда захочешь. Ты даже можешь садиться за руль, но с этого момента я хочу, чтобы один из телохранителей был рядом с тобой, когда ты покидаешь этот дом. За периметром этих стен для тебя слишком опасно, — он сказал это так, как будто не целовал меня только что, как будто на него не произвело ни малейшего впечатления то, чем мы занимались.

Я сжала губы, чтобы не закричать от разочарования. Вместо этого у меня в глазах собралось еще больше слез.

— Это понятно? — спросил Данте спустя некоторое время.

Я еле сдержалась от язвительного комментария.

— Да, понятно.

Мы снова затихли, не касаясь друг друга, как будто были двумя незнакомцами, случайно попавшими в одну постель. И это было действительно гораздо ближе к реальности, чем мне бы хотелось.

Пульсация у меня между ног казалась почти невыносимой, но было ясно, что Данте ничего не будет с этим делать. Что мне делать дальше, я понятия не имела.

Глава 8

Данте был очень скрытен.

Это то, что все мне всегда говорили, поэтому я понимала, насколько неправильным было мое вторжение в его личное пространство. Но я должна была увидеть, что скрывает Данте за той дверью, которую показала мне Габи. Может, это поможет мне лучше понять его.

Ранним утром Данте уехал на встречу в одно из подпольных казино Синдиката. Я не знала точно, когда он вернется, но, если считать ориентиром последние два дня, прошедшие с моей неловкой попытки соблазнения, вероятно, не раньше восьми. В доме было тихо. У Габи сегодня был выходной, а Зита, как всегда, была занята на кухне и избегала меня.

Я повернула ручку и вошла в комнату, где Данте хранил памятные вещи своей умершей жены. Задернутые шторы погружали комнату в темноту. Нашарив выключатель, я нажала на него, но ничего не произошло, пощелкала им еще несколько раз, пока не решила, что это бесполезно. После секундного колебания, вызванного чувством вины, я осторожно прокралась к окну и раздвинула шторы. Закашлявшись из-за клубов пыли из складок тяжелой ткани, я заморгала, ослепленная неожиданно ярким светом. Я быстро потерла глаза и рискнула осмотреться.

Лампы на потолке не было, вместо нее — только связка старых проводов. Неудивительно, что выключатель не сработал. Частицы пыли плыли в воздухе, и мой нос заполнил запах затхлости. Слой пыли лежал на всех поверхностях и даже на полу, отчего мои следы были очень заметны. В общем, меня начала охватывать паника. Я не могла скрыть своего присутствия в комнате, если мои следы были везде на полу, но, похоже, сюда давно никто не заходил, даже Данте, так что, вполне возможно, он и не узнает.

Комната была загромождена мебелью и картонными коробками. Гардероб темного дерева, два комода и огромная кровать с балдахином. До меня стало медленно доходить. Должно быть, это спальня, которую Данте и его жена делили до ее кончины. По

крайней мере, я не спала на той же кровати, где Данте занимался любовью со своей умершей женой. Я подошла на цыпочках к шкафу. Я даже сама себе не смогла бы объяснить, почему старалась не шуметь, но находиться в этой комнате казалось почти кощунством. Я открыла гардероб, и меня поразил запах старой и давно не используемой одежды. Две дюжины самых разных платьев висели на обитых розовой тканью вешалках: начиная от длинных бальных и заканчивая красивыми коктейльными и повседневными летними платьями. Некоторые были похожи на вещи из моего гардероба, но件нятно, что они были слишком малы для меня.

Я провела пальцами по ткани. Было странно размышлять о том, что человек, который носил их, давно ушел, похоронен в холодной сырой земле. Содрогнувшись, я закрыла дверцу и отступила назад, но мое любопытство еще не было удовлетворено. Открыв один из ящичков комода рядом с гардеробом, я обнаружила в нем нижнее белье и быстро его закрыла. Это слишком личное. Я не могу рыться в нижнем белье умершей женщины, даже если оно может мне рассказать о каких-либо предпочтениях Данте. Я нерешительно шагнула ко второму комоду и открыла верхний ящик. Он был пуст, за исключением двух фотоальбомов. У меня сложилось ощущение, что ящик когда-то принадлежал Данте, давным-давно в него складывались его носки и трусы. Когда он сменил спальни, то оставил все, даже свой комод.

Проигнорировав свои сомнения, я вытащила оба альбома и отнесла их к кровати. Темно-красное покрывало, лежащее на ней, тоже было под слоем пыли. После бесполезных попыток найти другое место в комнате, я присела на краешек покрывала, положив альбомы себе на колени. Первый альбом был белоснежным с изображением двух переплетенных золотых колец. Я с трепетом открыла его.

На первом снимке Данте, гораздо моложе, и юная миниатюрная женщина в подвенечном платье. Данте не смотрел в камеру. Все его внимание принадлежало невесте, и от обожания, отчетливо заметного в его глазах, в моем горле образовался комок. В его лице не было ни холодного расчета, ни бесчувственной утонченности. Возможно, потому что он был еще юн, но у меня сложилось впечатление, что причина была в женщине, стоявшей рядом с ним.

Это была просто фотография, и все же она передавала все, что должна символизировать свадьба: любовь, преданность, счастье.

Я еще не видела фотографий с нашей свадьбы, но знала, чего не найду на них. Я проглотила подступающие слезы и просмотрела другие фотографии, чисто по-детски надеясь найти Данте с тем же безразличным видом, который он всегда показывал мне. Но даже при том, что на более поздних фотографиях выражение его лица стало более осторожным и контролируемым, трудно было не заметить его чувства к жене. Они были женаты в течение почти двенадцати лет, но у них никогда не было детей. Я знала, что его жена Карла боролась с раком в последние три года своей жизни, но я задавалась вопросом, почему до этого ничего не было. Я никогда не видела ее с ребенком, и ничего не слышала о выкидыше. Хотя, конечно, это не мое дело.

Может, я должна считать себя везучей из-за того, что у Данте с Карлой не было детей, иначе еще бы и они меня презирали в этом доме. Мне стала ненавистна горечь этой мысли, и я быстро избавилась от нее, так как не хотела становиться мелочной или ревновать к умершей женщине. Она не сделала мне ничего плохого, и было ужасно несправедливо, что она умерла так рано.

Я открыла второй альбом. На последних страницах было несколько фотографий, на которых Карла в парике и без бровей. Рука Данте обернута в защитном жесте вокруг его худой, бледной жены. Меня затопило волной скорби. Каково это — потерять кого-то, кого ты так любил?

Я любила Антонио как друга, но это даже и близко не было к тому, что было у Данте и Карлы, и, если быть до конца честной, я обижалась на Антонио за то, что держал меня в золотой клетке без любви лишь для того, чтобы скрыть, что он был геем.

Внезапно распахнулась дверь, заставив меня подскочить, и вошел Данте, его лицо не предвещало ничего хорошего. Раньше, чем я смогла пошевелиться, он оказался рядом со мной и вырвал фотоальбом у меня из рук. Бросив его на кровать, Данте повернулся ко мне, его глаза, полные ярости, прожигали меня насквозь.

— Что ты здесь делаешь? — он схватил меня за руку и поднял на ноги, прижав к себе так близко, что наши губы почти соприкоснулись. — Эта комната тебя не касается.

Я стала вырываться из его хватки.

— Данте, ты делаешь мне больно.

Он отпустил меня, сменив свой гнев на холодное неодобрение.

— Ты не должна была сюда заходить, — его глаза вперились в альбом, лежавший на кровати и открытый на странице с фотографией его больной жены с ним. Он сделал шаг назад, последние признаки его злости исчезли и сменились пугающим спокойствием. — Уйди.

Мне не нужно было говорить дважды. Я со всех ног ринулась в коридор, испугавшись всплеска эмоций Данте, но, по правде говоря, ещё больше испугавшись странного спокойствия, которое в конце появилось на его лице. Данте вышел из комнаты и закрыл дверь. Он снова не смотрел на меня. Я наблюдала, как он, повернувшись ко мне спиной, прошел по коридору и направился вниз по лестнице. Закрыв глаза, я обхватила себя руками. Я не любила бросать на полпути. Я была упряма, слишком упряма, как всегда отмечала моя мать, но сейчас серьезно задумалась о том, что из нашего союза с Данте ничего не выйдет. У меня больше не было сил выносить этот брак.

За ужином мы почти не разговаривали, и, если уж говорили, речь шла о текущих событиях, что было последним, о чем я вообще думала. Данте не упоминал о случившемся, и я уж точно не собиралась начинать. После того, как Зита убрала наши тарелки, бросая чересчур любопытные взгляды в направлении меня, Данте встал.

— У меня много работы.

Ну конечно. Я молча кивнула и отправилась в библиотеку. «Если все будет продолжаться так, как сейчас, я очень скоро заговорю по-русски», — подумала я с горечью, когда взяла учебник. Я не могла сосредоточиться. Буквы плыли у меня перед глазами, и в конце концов я сдалась, вышла из комнаты и бросила взгляд в сторону кабинета Данте. Из-под двери не пробивался свет. Возможно, он лег спать.

Я направилась к лестнице, но остановилась, уловив краем глаза движение. Дверь в гостиную была открыта, давая мне хороший обзор на Данте, который сидел в широком кресле перед погасшим камином и пил то, что выглядело как виски. Я подумывала о том, чтобы подойти к нему и извиниться, но его задумчивый вид заставил меня остановиться. Вместо этого я тихо поднялась по лестнице и

проскользнула в спальню.

Под теплыми струями душа мои пальцы снова нашли себе дорожку между ног, но, по правде говоря, желания у меня не было, и в конечном счете я отказалась от попытки достичь удовлетворения. Эти старые фотографии разбредили старые раны и нанесли новые. Они напомнили мне о нескольких эпизодах в начале нашего брака с Антонио, когда он приводил своего любовника Фрэнка в наш дом, чтобы заняться с ним сексом. Это было одно из самых безопасных мест для их встреч, но, несмотря на все мои старания смириться с этим, я страдала, потому что связь Антонио с Фрэнком говорила о любви и желании, которые он так никогда и не смог мне дать. Увидев Данте с женой, я почувствовала то же самое. Тогда у меня не было шанса против Фрэнка, и теперь я все больше убеждалась, что и против мертвой жены у меня его тоже не было.

Бибиана посоветовала мне пока оставить Данте в покое и надеяться на лучшее, и, пока мы говорили по телефону, это действительно казалось хорошим решением, но после дня мучительного молчания я не могла больше этого выносить.

Когда я увидела Данте в тот вечер, сидящего перед погасшим камином и пьющего виски, во мне что-то надломилось.

Мой первый муж не желал меня, потому что предпочитал мужчин, а второй — потому что не мог отпустить умершую жену и потому что предпочитал поразмышлять за стаканом виски. Я знала, что у Данте был секс с другими женщинами после смерти его жены. Бибиана подтвердила, что он часто бывал в клубе ее мужа, так почему он не хотел заниматься сексом со мной? Может, было во мне что-то, что отталкивало мужчин? Это было единственным логическим объяснением, и, если это так, мне нужно было знать точно и перестать тратить свое время на глупые надежды и нелепые планы соблазнения.

Я шагнула в гостиную, убедившись, что мои каблуки достаточно громко цокают по паркету. Данте сидел, уставившись в темный камин. Конечно, он меня проигнорировал. Он делал так практически всегда.

Мои руки задрожали от сдерживаемого гнева.

— Это правда, что ты часто посещал клуб «Палермо»?

Данте нахмурился. Он взболтал виски в стакане, не глядя на меня.

— Он принадлежит Семье, но это было задолго до нашего брака.

Бибиана сказала то же самое, но его небрежный тон и высокомерный язык жестов были уже чересчур. Он вел себя так, как будто это не мое дело.

Злость забурлила в моих венах. Я почувствовала, как мое самообладание вырвалось из своей клетки, но была слишком возбуждена, чтобы его контролировать.

— Значит, ты ничего не имеешь против компании проституток, но не можешь взять девственность своей собственной жены?

Это привлекло его внимание, но теперь я желала, чтобы этого не случилось. Он резко поднял свои голубые глаза на меня. Я бы больше всего на свете хотела запихнуть эти слова обратно себе в глотку, хотела, чтобы он снова вернул свое внимание к стакану с виски. Возможно, на миллисекунду даже искра замешательства мелькнула на его лице, прежде чем вернулась заученная маска спокойствия.

Я молча развернулась, в шоке от того, что произнесла, и в ужасе от последствий, которые может иметь моя вспышка. Звон стеклянного стакана, поставленного на красное дерево, раздался за моей спиной, а за ним последовал скрип кресла. У меня сжалось горло, а грудь заполнил холод. Пальцами я стискивала перила, поднимаясь вверх. Его шаги следовали за мной, спокойные и размеренные. Я подавила желание оглянуться или даже побежать. Данте не мог видеть, насколько я шокирована. Что мне теперь делать?

Он потребует ответов. Ответов, которые я не смогу дать ему, обещала никогда никому не давать. Но Данте был Боссом. Никто не добился бы такого положения, не зная, как добыть информацию. Он не собирался пытаться меня, да даже руку на меня не поднимет. Уверена, что ему это и не потребуется.

Я проскользнула в спальню и остановилась возле окна. Больше некуда бежать. Сбоку от меня была кровать. Я закрыла глаза, когда услышала, как Данте вошел в комнату и прикрыл за собой дверь. Его высокая фигура появилась в отражении окна позади меня. Я опустила

глаза на свои пальцы, которые гладили холодный мрамор подоконника. Иногда мне казалось, что я со всем могу справиться, как будто была искушенной, держащей все под контролем женщиной, какую, вероятно, Данте и желал, но в такие моменты, как этот, я чувствовала себя бестолковой девчонкой.

— Девственность? — без намека на эмоции произнес он. Особый дар всех мужчин Семьи. Если ты рос среди насилия и смерти, то научился запечатывать свое сердце от всего мира. Почему они не преподавали то же самое женщинам Семьи? — Вы с Антонио были женаты четыре года.

Я не оборачивалась, даже дышать не смела. Как я могла допустить такой промах? Моя ошибка может разрушить репутацию Антонио и мою из-за того, что согласилась на его план. Быть геем было наказуемым преступлением в мафии, и я в значительной степени помогла Антонио совершить его. Я сосредоточилась на дыхании, на ощущении мрамора под кончиками пальцев, на деревьях, склонившихся на улице под порывами ветра.

— Валентина, — на этот раз в его голосе появился слабый намек на напряжение.

— Я ничего не должна была говорить, — прошептала я. — Это была просто фигура речи. Я не имела этого в виду в прямом смысле слова. — Я была хорошей лгуньей, но у меня не было другого выбора, кроме как стать такой. — Как ты и сказал, мы с Антонио были женаты четыре года. Конечно, я не девственница.

Его рука коснулась моего бедра, и я буквально дернула ногой, стукнувшись о подоконник. Я ахнула от боли, а затем прикусила губу, чтобы проглотить вскрик. Я целыми днями жаждала, чтобы Данте прикоснулся ко мне, и теперь, когда он это сделал, мне хотелось, чтобы он снова меня игнорировал.

Глава 8.2

Данте наблюдал за мной в отражении в окне.

— Повернись, — тихо сказал он.

Я ни секунды не колебалась. Его голос, даже без угрозы и опасности в нем, содержал слишком много властности, чтобы было возможным сопротивляться. Я набралась решимости, встав лицом к нему, и

сфокусировалась на пуговицах его белой рубашки. Смотреть ему в глаза было выше моих сил. Каждая мышца в моем теле была натянута как тетива. Он обхватил пальцами мой подбородок и поднял его, вынудив меня встретиться его взгляд. Опять прикосновение. Почему он прикасался ко мне сейчас, в то время как прежде он изо всех сил старался держать дистанцию между нами?

Я сглотнула. «Будь сильной, Валентина. Желание покойного священо. Не нарушай своего обещания».

И дело было не только в Антонио, которого я защищала. Я вела двойную жизнь так же хорошо, как лгал сам Данте, со времени нашей первой встречи заставила его поверить в одно, в то время как правда была совсем другой. Я хотела хоть каких-то эмоций на лице Данте, даже злости; я могла бы с этим справиться, но он не показал ничего. Всегда айсберг.

— Значит, твои слова внизу были лишь провокацией? — Он казался спокойным и незаинтересованным, но я не позволила этому тону провести себя и знала, что завладела всем его вниманием.

Я ничего не могла ответить. Сформулированный таким образом вопрос выглядел действительно неприглядно. О чем он думал? Мне было жаль, что у меня не было ни малейшего намека на то, в хорошем или плохом настроении он был.

«Он не причинит тебе вреда, Валентина».

До сих пор Данте ничего мне не сделал, но мы не особо общались за несколько дней до нашей свадьбы, и два дня назад он был чертовски пугающим, когда нашел меня с фотоальбомами.

Напряжение стало невыносимым, и из моего правого глаза соскользнула слеза, покатилась вниз по щеке и попала на палец Данте, который все еще держал меня за подбородок. Он нахмурился и опустил руку. Я сразу отвела от него взгляд и сделала шаг назад.

— Почему ты плачешь?

— Потому что ты меня пугаешь! — выпалила я.

— До сегодняшнего дня ты никогда меня не боялась. — Он был прав. За исключением незначительных случаев, я его не боялась, но знала, что с таким мужчиной, как он, мне должно быть страшно.

— Тогда, наверное, я хорошая актриса.

— У тебя нет причин меня бояться, Валентина, — спокойно сказал он. — Что ты скрываешь?

— Ничего, — быстро сказала я.

Он слегка обхватил пальцами мое запястье.

— Ты о чем-то врешь. И как твой муж я должен знать, что это.

Злость вспыхнула во мне с новой силой. Она в этот раз была быстрее осторожности.

— Ты имеешь в виду, что должен знать как Босс, потому что как мой муж ты до сих пор точно не поступал.

Он наклонил голову, тщательно исследуя каждый дюйм моего лица.

— Почему ты все еще невинна?

— Я же сказала, что нет! — с отчаяньем выкрикнула я, пытаюсь выдернуть руку из его хватки, но он сжал пальцы, немного, только чтобы я не смогла убежать. Он притянул меня к себе, прижавшись к моей груди. Из моих лёгких выбило воздух, когда я подняла на него глаза. Мое сердце отчаянно билось в груди, в висках, в венах. И он это чувствовал. Потому что держал меня за запястье.

— Итак, — продолжил он пытаться меня. — Что, если бы я уложил тебя на нашу кровать прямо сейчас? — Он сделал шаг, заставив меня приблизиться к огромной кровати с балдахином. — И вошёл бы в тебя? Я бы не узнал, что ты просто соврала мне?

Я ничего не хотела от него так сильно, как только чтобы он, наконец, уложил меня в кровать, и теперь, когда он использовал это в качестве угрозы для выяснения правды, я мечтала о том, чтобы никогда ничего не хотеть от него. Почувствует ли он, что я никогда не спала с мужчиной? Я разговаривала только с женщинами об их опыте, но не представляла, могут ли мужчины почувствовать, невинна ли девушка.

— Ты бы не сделал этого, потому что прямо сейчас не уложишь меня на эту кровать.

— Почему нет? — Он приподнял свою светлую бровь.

— Нет, потому что ты не возьмешь меня против моей воли. Ты не одобряешь изнасилование, — я говорила словами Бибианы, что звучало довольно странно из моих уст, ведь это даже не было бы против моей воли. Я пыталась соблазнить Данте в течение многих

дней; он должен был догадываться, что я хотела его. Все еще хочу, невзирая ни на что. Мое тело изнывало от тоски по его прикосновениям.

Он усмехнулся. Я никогда не слышала, чтобы он смеялся. Это было пустым звуком.

— Так вот, что ты слышала?

— Да, — ответила я уже тверже. — Ты дал прямой приказ подчиненным рассказать своим людям, что кастрируешь любого, кто будет использовать изнасилование для мести или пыток.

— Так и было. Я считаю, что женщина не должна подчиняться никому, кроме своего мужа. Но ты моя жена.

— Все еще. — Мои слова были жалким шепотом, наполненным неопределенностью.

— Да, все еще. — Данте кивнул и отпустил мое запястье. На меня нахлынуло облегчение. — Сейчас я хочу, чтобы ты сказала мне правду. Я всегда буду относиться с уважением к тебе, но жду того же и от тебя. Я не потерплю лжи. И, рано или поздно, мы ляжем в кровать, и тогда, Валентина, я узнаю правду.

— Когда мы наконец ляжем в кровать как муж и жена, а не просто чтобы спать рядом? Случится ли это когда-нибудь? — огрызнулась я. Мой дурацкий язык постоянно спешил.

На его лице мелькнуло еще что-то, чего я не смогла понять.

— Правду, — сказал он просто, но властно. — И помни, я все равно узнаю.

Я опустила голову. Сделает ли правда хуже наши с Данте отношения? Определенно будет намного хуже, если у нас когда-нибудь будут супружеские отношения, а он узнает, что я лгала ему.

— Валентина, — резко сказал Данте.

— То, что я сказала в гостиной, было правдой. — Я испытала облегчение и испуг одновременно, когда слова вылетели из моего рта. Как долго я смогла бы продолжать лгать?

Данте кивнул, странно взглянув на меня.

— Я так и думал, но спрашиваю сейчас, почему?

— Почему это так удивительно, что Антонио не хотел меня? Возможно, он не считал меня привлекательной. Очевидно, ты тоже не хочешь, иначе не проводил бы большинство вечеров в своем кабинете, а свои ночи, повернувшись ко мне спиной. Мы оба знаем, что, если бы ты меня хотел, если бы вообще считал меня желанной, я бы лишилась своей невинности еще в нашу первую брачную ночь.

— Я думал, мы договорились, что я не буду принуждать тебя, — сказал он. Я попыталась заглянуть ему в глаза, потому что слышала в его голосе злость.

— Но тебе и не нужно было меня принуждать. Ты мой муж, и я хочу быть с тобой. — Мои щеки залил румянец. — Я уже несколько дней пыталась соблазнить тебя, и ты даже не обращал внимания на мое тело. Если бы ты считал меня привлекательной, хоть какую-то реакцию бы проявил. Я думаю, мне просто повезло, что я всегда в итоге оказываюсь с мужьями, которые считают меня омерзительной.

— Ты мне не омерзительна, — твердо ответил он. — Поверь мне, я считаю тебя привлекательной.

Я, должно быть, выглядела сомневающейся, потому что он сократил расстояние между нами.

— Так и есть. Даже не сомневайся. Каждый раз, когда я вижу мелькнувшую сливочно-белую кожу твоих бедер. — Он провел по моему бедру через высокий разрез ночной сорочки. Мне пришлось подавить удивленный вздох от его неожиданной близости. Все мое тело покрылось гусиной кожей. — Или когда я вижу контуры твоей груди через те маленькие ничтожества, которые ты надеваешь, когда ложишься спать. — Он нежно провел пальцем по кружевному краю моей сорочки прямо над грудью. — Я хочу бросить тебя на нашу кровать и войти в тебя. — Он опустил руку, опять перестав прикасаться ко мне.

Я округлила глаза.

— Хочешь? Тогда почему...

Он прижал палец к моим губам.

— Сейчас моя очередь задавать вопросы, и ты обещаешь не лгать. — Я уставилась на него, кивая. Он сказал правду? Он меня хотел?

— Почему Антонио не спал с тобой? — спросил он, по-прежнему находясь так близко, что меня затопило его теплом. Мне с трудом

удалось сосредоточиться.

— Я дала ему обещание не рассказывать никому.

— Антонио мертв, — сказал Данте. В его голосе не звучало сожаления. — Теперь я твой муж, и твое обещание мне важнее.

Я отвела взгляд. Он прав, но я так долго хранила в себе правду, что она практически стала частью меня. В конечном итоге Данте, вероятно, все равно бы все выяснил.

— Валентина?

— Антонио был геем, — выпалила я. Бремя лжи Антонио наконец-то перестало давить на мои плечи, подарив ощущение свободы.

Лишь на миг Данте показал потрясение.

— Я никогда не подозревал. Ты уверена?

Я закатила глаза.

— Он иногда приводил своего любовника к нам домой.

— Почему он не спал с тобой, чтобы появились наследники? Это могло бы снять возможные подозрения.

Я замялась.

— Не думаю, что это получилось бы. Ну ты знаешь... — Я махнула в сторону паха Данте.

— Он был бесплоден?

— Нет, он как-то сказал, что у него не встает на женщин, — выдавила я из себя, чувствуя, что покраснела.

— Кто его любовник? — небрежно спросил он, но я знала, что не стоит доверять его показному равнодушию.

В его взгляде был намек на решимость добиться от меня ответа любой ценой. Было чувство, что он пытается использовать мое эмоциональное состояние против меня, но меня не так легко сбить с толку.

Я покачала головой. Фрэнк все еще был жив и все еще далеко не член Семьи. Если Данте узнает, что Антонио встречался с посторонним... Я не хотела даже думать о последствиях. Он не остановится, пока не найдет его, и я точно знала, что тогда будет с Фрэнком.

— Я не могу тебе сказать. Пожалуйста, не заставляй меня.

Данте взял меня за плечи, без малейшего давления.

— Если это кто-то из Семьи, я должен знать, и, если он не... Семья на первом месте. Мне нужно защитить всех, кто доверяет мне.

Он убьет Фрэнка и, возможно, сначала подвергнет его пыткам, чтобы выбить имена всех людей, которые знали об Антонио.

Я не смогла бы жить с этим, если бы такое случилось. Мне хотелось закрыть глаза под пронизательным взглядом Данте, но я понимала, что это плохая идея.

— Я не могу тебе сказать. И не скажу. Прости, Данте, но неважно, что ты делаешь, я не назову тебе имя.

Гнев, ещё свирепее, чем вчера, вспыхнул на лице Данте. Это была самая настоящая ярость, и впервые она была направлена на меня. Что говорила Бибиана? Данте не терпел неповиновения.

— Ты жила под защитой, Валентина. У меня крепкие мужики говорили то же самое, и в итоге они открыли все свои секреты.

— Тогда сделай, что должен, — отодвигаясь, огрызнулась я. — Отрежь мне пальцы на ногах и накорми меня ими. Бей меня, жги, режь, но я лучше умру, чем буду нести ответственность за смерть невинного человека.

— Так значит, он посторонний.

Я удивленно уставилась на него. Такой вывод он сделал из моей вспышки? Господи Боже, да он в этом был ас. Даже не причинив никому вреда и не уронив с моей головы ни одного волоса, уже выудил из меня информацию.

— Я этого не говорила.

Но было слишком поздно. Данте ухмыльнулся.

— Это и необязательно. — Его глаза были пронизательными и напряженными. Он был похож на охотника. — Если Антонио приводил своего любовника домой, я полагаю, что ты встречала его и знаешь, как его зовут, и можешь описать его мне.

Я поджала губы, глядя с негодованием на него. И через миллион лет я не скажу ему то, что он хочет узнать. Я уже и так сказала слишком много. Мне нужно быть бдительнее в будущем. Данте снова шагнул

ко мне. Он прикоснулся к моим бедрам, и, невзирая ни на что, простое прикосновение послало языки пламени к низу моего живота. Я жаждала его, может быть, сильнее, чем когда-либо прежде. Что делало этих опасных людей такими неотразимыми?

— Разве ты не лояльна ко мне? — пробормотал он. — Ты не считаешь, что задолжала мне правду? Не считаешь, что это твой долг? Не только потому, что я босс Синдиката, но и потому, что я твой муж.

— А ты задолжал мне достойную брачную ночь. Твой долг как моего мужа — заботиться о моих потребностях. Полагаю, нам обоим придется жить с разочарованием.

Его маска треснула.

Без предупреждения Данте схватил и развернул меня, прижав спиной к своей груди.

— Валентина, я терпеливый охотник, — понизив голос, произнес Данте, и его тембр отозвался у меня внутри. — Рано или поздно ты расскажешь мне все, что я хочу знать.

Его рука скользнула по моему боку к бедру, задержавшись там на мгновение, и заставив меня затаить дыхание в предвкушении и смятении. Он задрал подол моей ночнушки до трусиков. Я задрожала и еще сильнее прижалась к его груди. Накрахмаленная ткань его рубашки шелестела при контакте. Это был странно эротичный звук. Данте просунул палец под кружевную ткань моих трусиков и погладил меня. Я застонала, уже влажная и умирающая из-за нашего спора и его близости. Я не представляла, почему он вдруг стал меня трогать или чем вызваны такие перемены в его намерениях, и меня это не заботило, пока он продолжал прикасаться ко мне. Он погрузил пальцы между моими складками, и его дыхание стало тяжелее.

— Ты хочешь этого?

— Да, — просипела я, бесстыже потираясь об его руку, другой рукой Данте обхватил меня за талию и крепко удерживал. — Я хочу тебя, Данте.

— Скажи мне то, что я хочу знать.

Он медленно поглаживал пальцами туда и обратно. Медленный чувственный натиск заставил меня часто задышать. Я была на грани. Мое тело слишком долго этого ждало. Ноги начали дрожать, и я

откинула голову назад, на плечо Данте.

— Разве ты не хочешь меня? — спросила я, задыхаясь, вместо того, что он хотел услышать.

Как будто отвечая, он коснулся пальцем моего клитора, и я, вскрикнув, разлетелась на осколки, когда наслаждение пронзило меня. Сильная и надёжная рука Данте вокруг моей талии удерживала меня вертикально, пока я тряслась в своем оргазме.

— Хочу. В этом и проблема, — прорычал он.

Внезапно он отпустил меня и отступил. Я схватилась за подоконник, чтобы не рухнуть на пол, обернулась, но Данте уже выходил из комнаты. Мой пульс все еще учащенно бился в венах.

Что только что произошло?

Глава 9

Данте в ту ночь так и не ложился спать. Я долго ждала, не в силах заснуть, слишком смущенная тем, что случилось. Он признал, что хочет меня, прикоснулся ко мне, но затем внезапно отступил. Почему? Когда я проснулась следующим утром, его сторона кровати была нетронута, и, когда через полчаса я зашла в столовую, его неразвернутая газета лежала рядом с чистой тарелкой.

Волнуясь, я подошла к его кабинету. За дверью было тихо, но это ничего не значило. Я постучала и вошла, не дожидаясь ответа, чтобы не дать Данте шанс подготовиться к обороне. Возможно, если смогу снова застать его врасплох, у нас что-то получится. Данте сидел за столом из черного дерева и прищурился, увидев, как я впервые захожу в его кабинет. Может, опять посчитал, что я посягаю на его личное пространство.

Мой взгляд задержался на фотографии в серебряной рамке на столе. На фото — его улыбающаяся первая жена. Рамка лежала посередине стола, как будто Данте спешно ее положил в тот момент, когда я открыла дверь. Никаких других фотографий в комнате не было.

В моем животе что-то резко сжалось. Стараясь скрыть свою боль, я встретила его неодобрительный взгляд.

— Что ты здесь делаешь?

— Это тоже мой дом, разве нет?

— Конечно да, но это мой кабинет, и мне надо работать.

— Ты постоянно работаешь. Я хотела посмотреть, все ли с тобой нормально.

Он приподнял брови.

— Почему должно быть иначе?

— Почему? Потому что вчера ты себя очень странно вел. Сначала прикасаешься ко мне, а в следующее мгновение не знаешь, как бы побыстрее от меня свалить.

— Ты ничего обо мне не знаешь, Валентина.

— Правильно, и я хочу это изменить, но ты продолжаешь отталкивать меня, — перебила я его.

Данте встал и провел рукой по волосам.

— Я никогда не хотел жениться снова. И не зря. — В который раз это прозвучало так, словно этот брак был моей идеей, как будто мое мнение в этом вопросе кто-то спрашивал.

— Я не просила тебя на мне жениться!

С меня довольно. Я развернулась на каблуках и выскочила из его кабинета, убедившись, что как следует хлопнула дверью, хоть это и было ребячеством. Я услышала открывающуюся дверь и шаги Данте позади меня. Он догнал меня и схватил за запястье, останавливая.

— У тебя отвратительный характер, — прорычал он.

Я подняла на него глаза.

— Это твоя вина.

— Этот брак всегда был по логическим мотивам. Я же говорил тебе об этом.

— Но это не означает, что мы не можем попытаться превратить его в настоящий брак. Не существует таких логических мотивов, по которым мы не должны спать друг с другом. Ты спал с проститутками, так почему не можешь спать со мной?

— Потому что я был зол и хотел кого-нибудь трахнуть. Я хотел, чтобы это было грубо и жестко. Я не искал близости или нежности, или чего бы то ни было, что нужно тебе. Я получал удовольствие, а

затем уходил. Того, чего ищешь ты, я дать не могу. Та часть меня, которая была способна на это, умерла вместе с моей женой, и она не вернется.

— Ты не можешь знать, чего я хочу. Может быть, мы хотим одного и того же, — прошептала я.

— Я по глазам вижу, что это не так, — усмехнулся он. — Ты хочешь заниматься любовью, но я не могу тебе этого дать. Я жажду обладать тобой, владеть безраздельно, но не по тем причинам, по которым ты хочешь меня. Я бессердечный ублюдок, Валентина. Не старайся разглядеть во мне что-то иное. Деловой костюм и бесстрастное лицо — тонкий слой, скрывающий чертову бездну в моей душе и сердце. Не пытайся подсмотреть, что находится под ним: то, что найдешь там, тебе не понравится.

Я была слишком ошеломлена, чтобы ответить, вместо этого стояла и смотрела, как он возвращается в свой кабинет.

Остаток дня я провела, обдумывая свои возможности.

Эмоциональной привязанности Данте не хотел. Ему даже нежность не нужна. Грубо и жестко — так он описывал секс, за которым шел к проституткам. В одном он был прав. Это было не то, чего я хотела, но за эти годы я узнала, что иногда нужно согласиться на меньшее зло, чтобы достичь хоть какого-то подобия счастья. Я хотела заниматься сексом с Данте, может, и не таким образом, как он обрисовал, но кто сказал, что так мне не понравится? И он точно не говорил, что будет обращаться со мной грубо. Данте всего лишь сказал, что я не должна ожидать от него флаффа[1] и проявлений любви. Я смогу это пережить, ведь так?

Мне хотелось быть для него желанной. И, кто знает, вдруг это будет так же прекрасно, как быть любимой им.

Приближалось время обеда, но я испытывала совсем не тот голод, когда торопливо, прежде чем смогла бы передумать, раздевалась в нашей спальне и надевала халат. Голой пройтись по дому я бы не смогла.

Мой желудок крутило от нервов, пока я спускалась вниз в кабинет

Данте. Постучав, на этот раз я подождала, когда он разрешит мне войти, потому что не хотела с борьбы начинать эту попытку соблазнения, даже если вчера наш спор в спальне сильно меня завел. Данте открыл дверь, не вымолвив ни слова, его холодные глаза скользнули по моему телу. Я задумалась, может ли он определить, что я голая под тонкой тканью халата?

— Можно войти?

Он отступил, пропуская меня внутрь. Я услышала, как закрылась позади дверь, а затем Данте прошел мимо и обернулся ко мне с вопросом:

— В чем дело?

— Я приняла решение.

— Насчет чего?

Я распахнула свой халат.

— О нас. О сексе.

Глаза Данте потемнели. Сжав зубы, он покачал головой и начал отворачиваться.

— Тебе нужно уйти.

— Не смей отворачиваться. Взгляни на меня. Данте, я думаю, что заслуживаю хотя бы этой маленькой любезности.

От мужа волнами исходило напряжение, когда он все же повернулся ко мне. Он смотрел, но не приближался и на этот раз не делал вид, что я невидимка. Его голубые глаза блуждали по моему обнаженному телу.

Мои соски затвердели в прохладном воздухе кабинета, но я не запахнула свой шелковый халат, несмотря на непреодолимое желание укрыться от холодного исследования Данте. Его взгляд задержался на вершине моих бедер немного дольше, чем на остальных участках тела, и меня озарила робкая надежда. Сколько же у него контроля?

— Я для тебя кто? Жена?

Его блондинистые брови сдвинулись.

— Конечно жена. — В его голосе я услышала что-то, чего не смогла понять.

— Тогда заяви свои права, Данте. Сделай меня своей.

Он не шелохнулся, но его глаза скользнули вниз к моим возбужденным соскам. Этот взгляд был почти осязаем, как призрачное прикосновение к моей обнаженной коже, но этого было недостаточно. Я вновь хотела ощутить его пальцы между моих ног, хотела почувствовать их каждым дюймом своего тела, хотела кончить так, чтобы забыть все свои проблемы.

Я не была попрошайкой. Я знала, что почти уложила Данте, видела это в очертании его напряженных плеч, в голодном взгляде. Я жаждала сегодня вечером заняться сексом.

— У меня тоже есть потребности. Ты бы предпочел, чтобы я нашла себе любовника, который освободит тебя от обязанности прикасаться ко мне?

Я не была уверена, что у меня хватит на это духу. Нет, я знала, что не смогу, но эта провокация была моим последним шансом. Если Данте не среагирует и на это, то не представляю, что еще можно сделать.

— Нет, — произнес он резко, и что-то злое и собственническое пробило его идеальную маску.

Данте сжал губы, стиснул челюсти и двинулся на меня. Он остановился передо мной, и я задрожала от возбуждения. Данте не дотронулся до меня, но мне показалось, что я увидела искру желания в его глазах. Это были крохи, но вполне достаточно для того, чтобы меня воодушевить. Я преодолела оставшуюся между нами дистанцию и провела пальцами по его сильным плечам, прижимаясь своим обнаженным телом к его груди. Грубая ткань его делового костюма восхитительно терлась о мои чувствительные соски, и я застонала. Пульсация у меня между ног стала почти невыносимой. Глаза Данте сверкнули, когда он посмотрел на меня сверху вниз. Он медленно обнял меня и положил ладонь на мою поясницу. Я бы очень хотела, чтобы он сдвинул свою ладонь ниже. Не припомню, чтобы когда-либо настолько отчаянно нуждалась в чужих прикосновениях, даже когда мне приходилось слушать Антонио, трахающего Фрэнка в соседней комнате.

Я торжествовала. Теперь он меня не игнорировал.

Я откинула голову, чтобы взглянуть ему в лицо. Любой отголосок желания, который, как я думала, увидела в нем, исчез, воздвигнув после себя непроницаемые стены. Я поднялась на цыпочки, отчаянно

нуждаясь в настоящем поцелуе, но рука Данте на моей спине сжалась, а сам он не собирался наклоняться ко мне, так что прикоснуться своими губами к его я не смогла. Он не хотел моего поцелуя. Я больше не могла выносить этого: я тут голая на него набросилась, предлагая ему себя и свое тело, а он по-прежнему нос воротит — поэтому вырвалась из его объятий, чувствуя себя грязной дешевкой. Стараясь не смотреть ему в глаза, я повернулась и вылетела из его кабинета, подхватив свой халат, пересекла холл и взлетела вверх по лестнице. Вот и ответ. Больше я не буду и пытаться. Мне нужно смириться с тем, что Данте меня не хочет, что он не будет спать со мной по каким-то названным им глупым причинам, пока не появится абсолютная необходимость произвести наследника.

Я ввалилась в спальню и рухнула на кровать. Меня охватили отчаяние и тоска, но лишь на мгновение, я не позволила им одержать надо мной верх. Я пережила брак с Антонио — смогу пережить и брак без любви с Данте. Когда-нибудь у меня будут прекрасные дети, которых я буду любить, и которые будут любить меня, а до того времени я потерплю. Я не первая и не последняя женщина в нашем мире, которая вынуждена жить с бесчувственным мужем-ублюдком. По крайней мере, мой муж не был таким жестоким мудаком, как Томмазо. Это что-то да значит.

А я сама легко позабочусь о своих потребностях, как и в предыдущие несколько лет. Я перевернулась на спину, по-прежнему злая, сконфуженная и полная разочарования, но все такая же возбужденная. Закрыв глаза, я провела рукой вниз по телу и между ног, медленно начала гладить себя, воображая, что это снова дразнящие пальцы Данте, и вспоминая промелькнувшую на мгновение в его глазах искру вожделения, которую я, скорее всего, себе напридумывала. Мое дыхание участилось, Я была уже совсем близко. С моих губ слетел стон, и я услышала, как раздался резкий вдох.

Открыв глаза, я уперлась взглядом в Данте; он стоял в дверях, схватившись за ручку, и смотрел на меня. На этот раз его глаза полыхали огнем. Боже милостивый, как долго он наблюдал за мной?

Меня как бульдозером накрыло унижением. Я отдернула руку и, стискивая на груди халат, подползла к краю кровати. Я не могла остаться в одной комнате с Данте, не после того, что он только что

видел. На сегодня позора достаточно, но Данте внезапно преградил мне путь, встав передо мной. Его высокая фигура возвышалась надо мной. Откинув голову назад, я встретила с ним глазами, они были более живыми, чем я когда-либо видела. Похоже, что он был зол.

— Нет, — произнес он тихо.

Я не очень поняла, что он имел в виду. Он начал наклоняться ко мне, пока я опять не оказалась лежащей на спине, а он навис надо мной. Полы его пиджака распахнулись и закрыли меня с обеих сторон, как в мягкую тюрьму. Я всматривалась в лицо Данте, возбуждаясь от его близости и его взгляда. Приподнявшись на локте, он вклинился коленом мне между ног, раздвигая их.

Сердце отчаянно колотилось у меня в груди. Неужели он, наконец, сделает то, чего я так ждала? Данте впился в меня долгим взглядом, и я уже была готова к тому, что он снова отпрянет, но вместо этого он обхватил мою грудь, и я выгнулась навстречу ему со стоном желания. Он перевел взгляд на свою руку и ущипнул меня за сосок, сильнее, чем я ожидала. Удовольствие словно молния пронзило каждую клеточку моего тела. Я нуждалась в том, чтобы Данте прикоснулся ко мне там. Эта потребность была сильнее голода и жажды. Он был нужен мне больше, чем воздух. Данте щипал и тянул меня за сосок, а глаза его темнели и набирались решимости, пока он наблюдал за мной. Раньше я иногда ласкала свою грудь, но особо это никогда на меня не влияло, а жесткие прикосновения Данте вызвали у меня приятные покалывания внизу живота. Он склонился ниже, захватив мой сосок губами, и грубая ткань пиджака коснулась моей кожи.

Я выгнулась, прижавшись сильнее грудью к его лицу, но рука Данте, удерживая меня на месте, сжала мое бедро. Он снова жестко впился в мой сосок, еще сильнее возбуждая и вызывая бассейн у меня между ног. Я корчилась в попытке потереться о его колено, вклинившееся между моих бедер, но Данте одной рукой сдерживал мои попытки. Невозможность двигаться так, как того хочется, никогда не казалась мне чем-то сексуальным, но, Боже, как я была права.

Данте легонько прикусил мой сосок, его зубы чуть оцарапали чувствительную кожу, и я чуть не кончила. Я была уже так близко. Он выпустил мою покрасневшую и затвердевшую от терзаний вершинку. Глядя мне в глаза, Данте провел рукой вниз по моему телу. Я была не в силах отвести взгляд от его прекрасного холодного лица, зачарованная пламенем в его глазах. В них было что-то темное, дикое

и злое. Он положил пальцы мне на бедра и развел мои ноги в стороны. Я задрожала от предвкушения.

— Если хочешь этого, скажи сейчас, — сказал он хрипло. Да как он мог даже усомниться в моем желании?

— Я хочу этого.

— Хорошо.

Со зловещей ухмылкой Данте втянул другой сосок в рот и щелкнул по нему, одновременно скользнув двумя пальцами к моему лобку и надавив на клитор. Шипы удовольствия выстрелили из моего центра по всему телу. Мне казалось, что оно трещит по швам, когда оргазм накрыл меня. Мои бедра судорожно тряслись. Данте спокойно смотрел, как я дрожала под ним, его пальцы по-прежнему прижимались к моему чувствительному клитору. Медленно я спустилась с небес на землю. Я была сконфужена тем, что настолько быстро кончила, ведь он едва меня коснулся, но, несмотря на свое смущение, вызывающе вздернула подбородок. Если бы муж не заставил так долго ждать, я бы так не возбудилась.

Данте с силой втянул воздух через нос, сжимая челюсти, затем запустил пальцы между моими складками. Его ноздри раздулись, когда он медленно толкнулся в меня двумя пальцами. Мои мышцы сжались вокруг него, и я резко втянула воздух на чужеродное вторжение. Болезненным это не было — лишь слегка неудобно. Я иногда вводила в себя один палец, но никогда не понимала привлекательности этого. Сейчас это было потрясающе. Данте опустил взгляд и наблюдал за своими пальцами, как они двигались во мне и. Это было невероятно, лучше, чем я когда-либо могла испытать сама. Его непрекращающееся движение заставило меня задыхаться.

— Ты невероятно тесная. Не могу дождаться, чтобы оказаться внутри тебя, — хрипло сказал Данте.

Мне хотелось, чтобы он продолжал говорить с этим сексуальным рычанием, но все, что мне удалось выдавить из своих губ, было хныканьем и вздохами. Я была близка ко второму оргазму, чувствовала, что он образуется в глубине моего центра, ощущала знакомые шипы удовольствия, пронизывающие эхом мое тело. Данте ускорил движение и щелкнул пальцем по моему клитору. Я врезалась пятками в матрас, когда оргазм накрыл меня, еще интенсивнее, чем первый.

Я все еще наслаждалась последними волнами оргазма, когда Данте вытащил пальцы. Несмотря на мой протестующий звук, Данте выпрямился. В глазах его пылала острая жажда. Меня поразили напряжение, обреченность и темнота, одновременно смешавшиеся на его лице. Он был похож на человека, который проиграл битву с собой. Он стоял высокий и царственный, неподвижно, за исключением вздымающейся и опускающейся грудной клетки, и его глаза блуждали по моему обнаженному телу. А затем он потянулся и снял пиджак. Тот соскользнул на пол с тихим шелестом. Однако Данте не стал избавляться от своего жилета и рубашки. Он легко расстегнул ремень, и мои глаза двинулись ниже и застыли на кое-чем, что я и не надеялась уже вызвать в мужчине, — на выпуклости в его брюках. Меня охватило изумление, а затем радостный триумф.

[1] Флафф (Fluff) — этим словом называют фанфики про любовь, причём в них не будет никакой интриги, переживаний и терзаний, всё описывается по доброму и «ужасно» мило.

Глава 9.2

— У тебя стоит, — прошептала я.

Данте сверкнул глазами и замер, положив руки на ширинку.

— Я в состоянии иметь эрекцию. Я не импотент. — В его голосе слышалась насмешка, но ее почти заглушила хрипотца жажды.

— То есть, я совсем не то имела в виду. Ну, я думала, что тебя не привлекает мое тело.

Данте как-то странно взглянул на меня.

— Насчет этого не переживай. Мало кого из мужских особей оставит равнодушным твоё тело.

Все так же уверен в себе, уравновешен, и все же... Я взглянула на его промежность. Данте расстегнул ширинку и спустил брюки. Его черные боксеры мало что скрывали от впечатляющей выпуклости. Мне хотелось протянуть руку и прикоснуться к нему, но я сдержалась и наблюдала, в то время как потихоньку росла моя нервозность. Я ждала этого так долго. Наконец, Данте избавился и от своих боксеров. Его член был толстым и длинным и находился в состоянии

полной эрекции, что странным образом наполнило меня удовлетворением. Наконец-то, спустя столько лет игнора, сначала со стороны Антонио, а затем от Данте, я получила реакцию хотя бы от последнего.

— Подвинься, — произнес Данте своим голосом Босса, тем голосом, который не вызывал никаких споров, не то чтобы я мечтала протестовать.

Я без промедления поползла назад и вынула руки из халата, чтобы лечь перед Данте абсолютно голой. Он не сделал движения, чтобы снять рубашку и жилет, а взобрался на кровать и устроился между моих ног, разведя их, открывая меня для него. Я задалась вопросом, почему он не разделся полностью? Это какой-то барьер, который он собирался между нами держать? Или я зря заморачиваюсь? Он выглядел более чем сексуально в своем жилете, но все же...

Ни единой мысли не осталось в моей голове, когда Данте направил свою эрекцию к моему центру и толкнулся в меня. Он был твердым и большим, но я так долго ждала этого. Я была готова. Данте приподнялся на руках, двинул бедрами и проскользнул на несколько дюймов вперед, пока я не напряглась и не закричала. Зажмурившись, я несколько раз резко вдохнула через нос, чтобы успокоить мой разогнавшийся пульс. Боль уже затихала, но еще не прошла до конца. После еще одного глубокого вдоха я открыла глаза и обнаружила, что Данте смотрит на меня. Его челюсть была напряжена. В этот момент он не казался таким спокойным и уравновешенным. Было видно, что он прилагал огромные усилия к тому, чтобы не двигаться. Я подняла руки, схватила его за плечи и после этого сделала маленький кивок. Качнув бедрами, Данте толкнулся на всю длину. Я изогнулась, зажав рот, чтобы не издать ни звука, и, выдыхая через нос, заставила себя расслабиться.

Данте посмотрел на меня, сдвинув брови. Мышца у него на щеке подергивалась.

— Скажи мне, когда я смогу двигаться, — процедил он, удивив меня этим проявлением сострадания.

Я поерзала в нетерпении, отчаянно желая, чтобы Данте двигался во мне. Небольшой дискомфорт все еще был, но все же стало лучше.

— Все нормально.

Он кивнул, затем вошёл почти до упора, прежде чем вернуться

обратно. Мои мышцы плотно сжали его член, все еще пытаюсь привыкнуть к вторжению, но я почувствовала прикосновение удовольствия от этой болезненности, когда Данте взял медленный ритм. Мне хотелось, чтобы он опустил на свои предплечья, чтобы мы могли стать ближе, но он опирался на ладони. Я подумала, что ничего другого и не должна была ожидать. Он предупреждал меня, но, по крайней мере, был осторожен и не набрасывался.

Из меня вырвался короткий стон, когда Данте ударил в восхитительное место глубоко внутри меня. Он ускорился, толчки стали сильнее. Он полностью сконцентрировался, не издавая громких звуков, но его дыхание участилось. Мне понравилось наблюдать за ним, замечать мелкие подрагивания и вспышки на его холодной маске, когда возрастало его удовольствие.

— Мое время истекает, — предупредил он резким голосом. — Не знаю, как долго еще смогу продолжать.

Меня удивило его признание. Вот уж не думала, что он был человеком, который с готовностью признался бы в чем-либо, по его мнению, похожем на слабость. Я обрадовалась этой крохотной искре человечности.

— Все в порядке.

Не то чтобы я собиралась кончить ещё разок. Я бы сказала, что была близка к пределу своих возможностей.

Движения Данте стали более быстрыми и менее сдержанными, почти отрывистыми и бесконтрольными. А затем он, наконец, опустил на свои предплечья, сделав нас ближе, чем мы когда-либо были. Наши тела прижались друг к другу, как будто мы слились в одно, и Данте по-настоящему начал вколачиваться в меня, сильно и быстро, и моя чувствительность превратилась в мучительный приступ боли, но мне было не до того. Я ощущала его жар через одежду. Его жилет натирал мои чувствительные соски, и все же мне хотелось почувствовать его кожу, но даже это было в данный момент не так важно. Имело значение только то, что Данте, наконец, сделал меня женщиной, позволив произойти близости. Возможно, это новое начало, настоящее начало нашего брака. Я прижалась к нему и уткнулась лицом ему в шею, в то время как Данте толкнулся в меня еще несколько раз.

Он застонал, его тело напряглось, а затем чувство, что его эрекция

расширяется во мне, сопровождалось странным ощущением, когда он кончал в меня. Я отклонилась назад в желании увидеть его лицо. На этот раз маска исчезла: он выглядел взъерошенным, доступным, каким-то менее суровым. Он вздрогнул еще раз, прежде чем опустил лицо и прижался губами ко мне, его язык слегка скользнул по моим губам. Я в нетерпении открыла рот ему навстречу. Наши языки встретились, и я взлетела на небеса. Я так долго ждала нашего настоящего поцелуя, и теперь это происходит на самом деле. На вкус он был идеален, и мне нравилось чувствовать его вес на мне, как и ощущение его опадающего члена во мне. Возможно, теперь все изменится. Я просунула руки под рубашку и провела ладонями вверх и вниз по его спине, пальцы ощупывали каждый шрам, оставленный на его теле. Он был таким теплым и сильным, как будто был моим.

Данте прервал поцелуй, наши глаза встретились, и в одночасье его стены вновь воздвиглись. Я увидела, как это происходит, как занавес, закрывшийся в конце представления. Он приподнялся на ладонях.

— С тобой все в порядке? — спросил он, резко выходя из меня. Я задохнулась от вспышки боли, и Данте на мгновение завис надо мной, всего лишь намек на нерешительность проявился у него на лице, но и тот быстро исчез. Данте выпрямился, приподняв рубашку, чтобы она не испачкалась. — Мне нужно привести себя в порядок, — произнес он, как будто рассказывал мне прогноз погоды, как будто мы не переспали только что. Он смотрел на меня долгое мгновение, а затем исчез в ванной. Через пару минут включилась вода.

Я лежала неподвижно на середине кровати, отчаянно пытаюсь разобраться в своих эмоциях. Наряду с облегчением от того, что наконец-то избавлена от своей девственности, присутствовало странное чувство печали. Не то чтобы я нуждалась в нежностях, но мне бы хотелось, чтобы Данте остался со мной немного дольше после того, как кончил.

Меня затопило волной разочарования, и я закрыла глаза от нахлынувших эмоций. Не знаю, как долго так провалялась, но от ледяного голоса Данте надо мной я вздрогнула:

— Вот.

Мои глаза распахнулись. Он стоял рядом с кроватью, уже в трусах, и протягивал мне полотенце.

Я приняла его из рук Данте и приложила к своей воспаленной плоти,

не обращая внимания на краску смущения, постепенно заливающую мое лицо. Неужели он не может хоть немного полежать со мной? Мне так хотелось, чтобы он меня обнял, даже если бы ему пришлось притвориться, что заботится обо мне, но заставить себя просить я не могла.

— Хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе, чтобы ты тоже кончила?

Я уставилась на него. Это прозвучало так формально. Я покачала головой. Я хотела близости с ним, но не так, не сейчас. Данте кивнул, подобрал с пола брюки, а затем надел их.

— У меня еще дела, а потом надо съездить в одно из наших казино. Я буду дома поздно. Тебе не нужно меня ждать.

Я кивнула, все равно не смогла бы выдавить из себя ни слова, даже если бы попыталась.

После еще одного долгого взгляда на мое обнаженное тело Данте вышел из комнаты, а я слушала его удаляющиеся шаги. Когда наступила тишина, я села и вздрогнула от резкой боли между ног. Я перевела взгляд на полотенце в руке, на котором было несколько розовых пятен, и меня наполнило дурацкое чувство выполненного долга. Это помогло избавиться от разочарования по поводу холодности Данте. Пока я хотела быть счастливой. И наконец-то получила то, чего хотела. Теперь, когда Данте сдался один раз, уверена, сдерживаться ему будет гораздо труднее. И я была полна решимости сделать это для него как можно более трудным. Я заполучила свой первый настоящий вкус удовольствия, и с этого момента хотела испытать его снова и снова.

Глава 10

Той ночью я даже не заметила, как Данте проскользнул в постель, но утром его сторона была примята, так что, должно быть, он все же спал. Я еще несколько минут повалялась в постели, чувствуя, что мне каким-то образом стало легче после того, как один барьер между мной Данте был разрушен. Но я не обманывала себя, полагая, что секс кардинально изменит наши отношения. Не думаю, что Данте вдруг начнет вести себя как любящий и заботливый муж, о каком я мечтала, когда была помоложе. Это было бы странно. Если Антонио и не мог никогда физически дать мне то, что нужно, все же я ему доверяла, и он был моим другом. Когда он не был занят, мы

проводили время вместе, поэтому и абсолютно одинокой я себя в нашем браке не ощущала. У меня создалось впечатление, что то же самое не будет справедливым в отношении моего второго брака. Даже если Данте удовлетворит мои сексуальные потребности, понадобится некоторое время, прежде чем мы станем друзьями.

Приняв душ и надев свою любимую юбку-карандаш цвета сливы и белую блузку, я отправилась в одну из гостевых комнат, в которую убрали несколько моих нераспакованных коробок для переезда. Пришлось порыться несколько минут, прежде чем я нашла то, что искала: деревянный ящик, где хранилось несколько вещей, оставшихся от Антонио. Здесь были и наши обручальные кольца, которыми я никогда особо не дорожила. Самым важным из этих вещей для меня был тонкий фотоальбом, в котором в основном были снимки, сделанные до того, как мы с Антонио поженились. Тогда мы были только друзьями без лишних сложностей от необходимости притворяться, изображая нечто большее. Антонио не был похож на Данте, со своими темными волосами, темными глазами и невысоким ростом. Он был против того, чтобы я носила каблуки, поэтому я не была выше него. Но не во внешности было самое большое отличие между моим первым и вторым мужем — разница была в их ауре. В то время как от Антонио исходили открытость и дружелюбие, и люди считали его приятным, хоть и заурядным типом, Данте источал силу и холод. Никто не примет его за подчиненного. Если бы Данте не был рожден в нашем мире, он, вероятно, был бы губернатором или сенатором. Он мог бы преуспеть в этом. Но, как и у нас всех, рождение определило нашу судьбу. Мы были связаны с мафией. Я смотрела на наш с Антонио снимок на лошади. Это для меня было впервые. Мы оба выглядели юными и счастливыми, полными надежд. Антонио тогда еще не был принят в мафию и все еще думал, что сможет избежать своего долга.

Я вернула ящик на место, прежде чем глубже погрузилась бы в печальные воспоминания. Выпрямившись, сделала глубокий вдох и вышла из гостевой спальни. Обратного хода не было, но двигаться вперед не так-то просто, особенно если не знаешь, куда идти. Но мне нужно было что-то, что придало бы моей жизни смысл и содержание. Что-то, на что я могла бы направить свою энергию, пока Данте отказывается впускать меня в свою жизнь.

Мне не хватало цели, повседневной задачи. Я не из тех, кто может просидеть дома целый день или потратить его на свежайшую сочную

сплетню. Мне хотелось работать, но даже в то время, когда я была с Антонио, люди находили странным то, что он разрешил своей жене работать. Я беспокоилась, что это будет скандал, который Данте не нужен.

Я замедлила шаги, подходя к двери, за которой он вечно прятался. Я нервничала не только из-за того, что хотела спросить Данте о работе. Что, если после того, как мы переспали, между нами возникнет неловкость или напряжение? Хотя в действительности я не думала, что нашим отношениям было куда падать. Мы уже едва могли быть вежливы друг с другом. Если не принимать во внимание то, что мы еще не бросались посудой в голову друг другу и не препирались постоянно, в остальном нашим отношениям становиться хуже было уже некуда. И, по правде говоря, я даже стала сомневаться, не предпочесть ли жаркие бои холодному игнору, который сейчас получаю.

Собрав все свое мужество, я постучалась в дверь.

— Входи, — через секунду отозвался Данте.

Я вошла в кабинет. Мои глаза тут же метнулись к столу, к тому месту, где стояла фотография его первой жены, но ее там не было. Вряд ли Данте выбросил его. Скорее всего, спрятал в одном из ящичков стола. Я и не ждала, что он забудет жену, выбросит все, что напоминало ему о ней, сможет изгнать память о ней из своего сердца. Мне только хотелось, чтобы в своем сердце он оставил для меня маленький уголок.

Данте поднял глаза от стопки бумаг.

— Что ты хотела?

Хоть он и не произнес это недружелюбным тоном, но было очевидно, что муж занят. Его поведение по отношению ко мне совершенно не изменилось, несмотря на то, чем мы вчера занимались. Мой взгляд уперся в его темно-серый жилет, и тело вспомнило, как он терся вчера о мои соски, отчего я чуть было не пересекла комнату, чтобы снова наброситься на Данте. Но мне не хотелось выглядеть слишком озабоченной. Следующий секс между нами должен случиться по инициативе Данте. Конечно, он может вернуться к тому, чтобы снова не прикасаться ко мне. Я задвинула подальше эту тревожную мысль, когда закрывала за собой дверь и подходила к столу.

— Мне хотелось бы кое-что обсудить с тобой.

Данте взгляделся в мое лицо.

— Говори.

— Я хочу работать. Когда была замужем за Антонио, я и ему помогала: вела дела ресторанов Семьи.

Они всегда были нужны только для отмыwania денег, но я наслаждалась этими обязанностями. Я встречала гостей и организовывала мероприятия, когда кто-нибудь, например, заказывал свадьбу в наших ресторанах. После смерти Антонио его младший брат принял руководство. Одна женщина не смогла бы справиться с этой задачей — так считали наши мужчины.

Данте нахмурился, откинувшись на спинку кресла.

— Работа? Что-то конкретное имеешь в виду?

Я обрадовалась, что он был открыт для этой идеи и не отверг ее немедленно. Воодушевленная этим, я обошла стол и уселась на его край. Взгляд Данте скользнул по моим ногам, но вернулся к лицу. Слишком быстро.

— Я хорошо умею организовывать и планировать мероприятия. И еще очень хорошо могу ладить с людьми.

Я также могла отлично руководить людьми, но это я держала при себе. Мафиози не нравились женщины, которые любили командовать. Почему-то большинство из них не могло понять, что сильная женщина на их стороне не делает их менее мужественными.

Данте кивнул.

— Мне нужен кто-нибудь для одного из наших казино.

Я попыталась справиться со своим волнением. Я даже представить не могла, что Данте мне такое предложит.

— Плавающее или подпольное?

Казино на суше, естественно, не были официальными. В Чикаго они по-прежнему были вне закона, в отличие от тех, которые находились на плавающем судне, но вся мафия, и Данте в особенности, работали над тем, чтобы изменить это. Он мог быть очень убедителен, и, конечно же, было плюсом, что несколько сенаторов были постоянными клиентами в казино и борделях Синдиката. Не то чтобы легализация означала бы, что Синдикат сделает свои секретные

казино общедоступными. Они потеряли бы слишком много денег, если бы сделали это.

— Подпольное. Не хочу, чтобы ты была на виду.

Это имело смысл. Все знали, что я жена Данте. Если бы я работала в одном из плавучих казино, это привлекло бы слишком много нежелательного внимания.

— Я немного разбираюсь в азартных играх, но уверена, что очень быстро смогу научиться всему, что нужно. — На самом деле, мое единственное знание об азартных играх — это правила тexasского покера, которым меня научил Антонио, но Данте это знать необязательно.

Глаза Данте знакомо сверкнули.

— Единственное, что тебе необходимо знать об азартных играх, — это то, что банк всегда выигрывает.

Я приподняла брови.

— Действительно. Тогда какую работу ты имеешь в виду, когда говоришь, что она не требует знаний о функционировании казино? — Я посчитала, что Данте не позволил бы своей жене быть одной из девушек за барной стойкой, которые поощряют людей больше пить.

— Я хочу, чтобы ты управляла одним из небольших казино Синдиката. Человека, который последние три года был управляющим, вчера уволили.

Так вот чем занимался Данте после того, как переспал со мной? В течение нескольких мгновений мы с Данте смотрели друг на друга, как будто думали об одном и том же, но сейчас был неподходящий момент, чтобы поднимать вопрос о сексе.

— Уволен? — повторила я его слова, которые, уверена, были эвфемизмом для чего-то другого, поскольку было трудно уволить с должности в мафии. Если ты замешан в одном бизнесе с мафией, маловероятно, что получишь место где-то в другом месте, если не был чьим-то сыном, племянником и так далее. И если ты не был...

Данте внимательно наблюдал за мной, когда произносил следующие слова:

— Я узнал, что он набивал свои карманы деньгами Семьи.

— И ты убил его, — закончила я за него. Я знала, как это работает в нашем мире. Может, мне никогда не разрешалось непосредственно присутствовать при этом, но рассказов я наслушалась.

— Убил, — Данте кивнул. — И, если ты захочешь, можешь получить его работу.

— Я прежде никогда не занималась казино. Почему ты даешь мне такое важное место?

— Помощник управляющего может выполнять основную работу в тени. Мне нужен кто-то, кто поможет крупным игрокам чувствовать себя желанными гостями.

Я замерла. Данте, конечно же, заметил это.

— Мне кажется, ты меня неправильно поняла. — Он поднялся и встал передо мной, осторожно положил руки мне на бедра, вызвав покалывание на коже даже через колготки. — Ты моя, Валентина.

Я еле сдержала улыбку от его собственнического голоса.

— Так что же конкретно я должна делать?

Он убрал руки, засунул их в карманы и подошел к окну.

— Я хочу, чтобы ты встречала высокопоставленных гостей, провожала их к столу, предлагала им наших девочек.

— Девочек? Серьезно?

Данте повернулся.

— Азартные игры и проституция — наш основной бизнес, и их можно легко объединить.

— Хорошо. Я могу это сделать. — Даже если слово «девочки» вызвало у меня желание вырвать себе волосы. — Это звучит не слишком трудно.

— Еще ты будешь организовывать специальные мероприятия. Мы проводим вечеринки один раз в месяц, и я думаю, что женская рука может сделать их привлекательнее. Твоя обязанность — убедиться, что все идет гладко. Я хочу, чтобы ты была моими глазами. У меня такое чувство, что я еще не всех крыс уничтожил.

— Ты хочешь, чтобы я шпионила за твоими сотрудниками.

— Да. Я хочу, чтобы ты смотрела в оба.

— Ты думаешь, что они будут менее осторожными рядом со мной или у тебя просто нет никого, кому бы ты доверил эту задачу?

— У меня есть люди, которым я доверяю. Но ты права, я думаю, что тебя многие будут недооценивать и ослабят бдительность. — Он прислонился к подоконнику. — Я не доверяю безоговорочно никому.

— Даже мне? — поддразнила я его, но Данте холодно взглянул на меня.

— Ты не дала мне причин доверять тебе. Ты солгала мне о своем браке с Антонио и отказываешься назвать имя чужака, который может быть посвящен в компрометирующую информацию о Синдикате.

То, как он это сформулировал, выставило меня отъявленной лгуньей.

— О браке я тебе не лгала. Я рассказала тебе, что никогда не была с Антонио.

— Ага, рассказала, но подозреваю, что это была правда, которую ты открыла только из-за страха, что я рано или поздно обнаружу это.

Конечно, он попал не в бровь, а в глаз. Я не могла это отрицать. Он бы узнал, что я солгала, и это не улучшило бы мое положение.

— Так ли уж важно, почему я решила сказать тебе правду?

— Это важно, Валентина. Потому что я не знаю, будешь ли ты говорить правду в будущем, если тебя не загнать в угол. Если бы я засчитывал каждую добытую под давлением правду за искупление, мне пришлось бы пощадить каждого предателя, который выкладывает все свои знания под принуждением.

«Под принуждением» — какое мягкое слово для того, что делает с предателями Синдикат.

— Я знаю, что вы делаете с предателями, и именно поэтому не назову тебе имя любовника Антонио.

— Но ты же понимаешь, что, помогая Антонио в обмане, ты стала его сообщницей, а значит и предателем Синдиката. И ты продолжаешь предавать Синдикат и меня, скрывая информацию.

Я оттолкнулась от стола, не в силах больше усидеть на месте.

— Я понимаю. Но, независимо от того, что ты обо мне думаешь, я преданна тем, кто мне дорог. Я была преданна Антонио. Будь он еще

жив, я бы забрала его секрет с собой в могилу, лишь бы защитить.

Данте покачал головой.

— Ты не можешь утверждать это наверняка. Ты никогда не испытывала чудовищной боли. пытки — мощный мотиватор.

— Полагаю, мы никогда и не узнаем, если только ты не собираешься проверять свою теорию на мне и не попытаешься выбить из меня имя любовника Антонио, — нагло ответила я.

Данте остановил на мне свой жесткий взгляд.

— Только потому, что ты моя жена и женщина, ты в безопасности. Ты это прекрасно знаешь.

Потому что я его жена, а не потому, что он любил меня или хотя бы обо мне заботился.

— Знаю, — согласилась я, потому что не могла больше вынести этого напряжения между нами, которое возникло из-за меня. — Если бы у тебя была тайна, которую тебе нужно скрыть, я бы сохранила ее ради тебя. Я бы постаралась вынести все эти пытки, боль и смерть ради тебя.

Данте не ответил, даже не подошел ближе, только смотрел на меня этим своим нечитаемым взглядом. Я решила выйти из кабинета, прежде чем скажу что-то сентиментальное или до того, как Данте меня выпроводит. Он не остановил меня, но я чувствовала спиной его взгляд.

Глава 11

После ужина, прошедшего в атмосфере почти полного молчания, за исключением нескольких слов о моем завтрашнем визите в казино, Данте вернулся к себе в кабинет, а я по привычке отправилась в библиотеку. Вместо учебника русского я решила почитать одну из книг об азартных играх и казино, которых было полно на полках, но отвлеклась на звук мужских голосов за стеной. На Энцо с Тафтом они не были похожи, так что я подумала, что Данте встречался с кем-то из Синдиката.

Когда несколько часов спустя я укладывалась спать, в коридорах было темно, а Данте все еще не выходил из кабинета. Я предположила, что это будет еще одна бессонная ночь. Может, Данте

действительно хочет заставить меня упрашивать его заняться сексом второй раз?

Много позже я была разбужена рукой на моем бедре. Глаза у меня открылись, но я уставилась в темноту. Задернутые шторы позволяли проникнуть в комнату только узкой полоске лунного света. Мой взгляд выхватил бледное свечение будильника на тумбочке. Было около полуночи. Я спала меньше часа. Что случилось?

Я осознала, что Данте прижался к моей спине, его пальцы поглаживали мне бедро.

— Данте? — прошептала я, повернув голову через плечо, но его лицо скрылось в тени. Он был очень близко. Его дыхание коснулось моего плеча, подняв дыбом маленькие волоски на руках. — Что...

Он заткнул меня яростным поцелуем, чуть не лишившим меня кислорода. Он не колебался, его язык завоевывал мой рот. Я попыталась повернуться к нему лицом, но твердая грудь Данте за спиной и его железная хватка на моем бедре парализовали меня. Его поцелуй послал волны возбуждения к низу живота, но мне наконец пришлось оторваться от него, чтобы сделать глубокий вдох. Он уперся эрекцией в мою задницу. Я громко выдохнула.

— Скажи мне, что тебе не больно, — пророкотал Данте возле моего плеча, прежде чем слегка прикусить его.

Я задрожала.

— Не больно, — все, что мне удалось из себя выдавить, и это даже не было правдой, но будь я проклята, если стану его останавливать.

— Хорошо, — прорычал Данте и облизнул мое горло. — Скажи мне остановиться, или я не смогу.

В ответ я только застонала, потому что Данте снова толкнулся членом мне в задницу. Мне не терпелось избавиться от одежды и почувствовать его обнаженной кожей на себе. Я толкнулась к нему задом, пытаясь потереться, но меня опять остановила рука Данте на бедре.

— Нет.

— Данте, я правда хочу...

И вновь его губы проглотили мои слова, а пальцы предупреждающе сжались.

— Я хочу, чтобы сейчас ты молчала, только если не захочешь остановить меня. — Он покусывал мою шею. — Ты делаешь то, что я тебе говорю, Валентина, или же говоришь, чтобы я остановился. У тебя только два варианта.

Я кивнула, и он, должно быть, почувствовал это, потому что не мог видеть в темноте. Я была рада, что Данте не знает, насколько сильно я возбудилась от его командного тона.

— Очень хорошо, — произнес он тихо. — Сегодня ты будешь все такой же узкой, поэтому мы будем медленно продвигаться и воспользуемся этим временем, чтобы сделать тебя очень мокрой.

Я поверить не могла, что это говорил мне тот же сдержанный и холодный Данте, которого я встречала днем. Мне хотелось спросить, почему он передумал. Так изменился в один момент? Может быть, он согласился с тем, что я знаю, чего хочу?

— Я хочу, чтобы ты разделась прямо сейчас.

Только на одно мгновение меня охватило разочарование, что Данте не собирается сделать это сам, но и его заглушило волнение. Данте отпустил мое бедро, и я быстро села, стянула ночную рубашку через голову и спустила вниз трусики, все время чувствуя его взгляд на себе. Повернувшись к нему, я задалась вопросом, нужно ли подать ему какой-то знак, и от этой мысли чуть не рассмеялась, но затем матрас пришел в движение, и я увидела, что Данте встает с постели и начинает раздеваться. Было темно, но я могла различить его внушительную эрекцию.

— Сядь на край кровати.

Я перебралась на его сторону кровати и села на краешек, нервная и любопытная, взволнованная и почти разрываемая похотью. Данте двинулся ближе, пока не встал передо мной, и его эрекция оказалась на уровне моих глаз. Я ахнула, прежде чем смогла проглотить звук, осознав, что он хотел сделать. Совет Бибианы выстрелил у меня в голове, но я не была уверена, нужно ли Данте, чтобы я действовала самостоятельно. Он обхватил мою щеку, его ладонь была теплой и

слегка шершавой на моей коже.

— Как далеко ты заходила прежде?

Я мгновение колебалась, но предположила, что он хотел от меня честного ответа, поэтому сказала:

— Я несколько раз целовалась с Антонио, и он пару раз касался моей груди, но это все, что я когда-либо делала до тебя.

Тишина заполнила темную комнату. Мое сердце забилось быстрее, его глухой стук казался громче с каждой секундой. Я слышала ритмичное дыхание Данте, безо всяких признаков того, что он был сексуально возбужден. За исключением доказательства перед самым моим лицом, привлекающего к себе внимание.

— Валентина, я хочу, чтобы ты пососала мой член.

Большим пальцем Данте коснулся моих губ, затем скользнул между ними, слегка раздвигая. Он ждал, и я подтолкнула его палец своим языком, прежде чем слегка пососать его, надеясь, что он воспримет это как согласие. Он подошел еще ближе, пока его головка не уперлась мне в губы. Данте поглаживал мой подбородок, его ладонь все еще лежала на моей щеке.

— Оближи головку. — Я высунула язык и обвела вокруг головки его члена. Данте задержал дыхание, но это было единственным признаком того, что мои действия оказали на него влияние. — Теперь оближи до верха и просунь свой язык в отверстие.

Я следовала приказам и была вознаграждена его учатившимся дыханием. Большим пальцем Данте впился в мой подбородок.

— Открой рот.

Я без колебаний раздвинула губы. Я была рада приказам Данте. Так меня, по крайней мере, не бросили смущаться. Он скользнул головкой члена мне в рот так, что тот лег на язык.

— Обхвати губами и пососи.

Я сделала так, как сказал Данте, и он погладил мой подбородок, затем провел пальцем вверх, пока не коснулся того места, где его член исчезал между моих губ.

— Мне нравится мой член у тебя во рту, — произнес он хрипло. — И мне нравится, что это единственный член, который ты когда-либо

сосала. — Он глубже скользнул мне в рот, но все еще не очень далеко. — Давай посмотрим, как глубоко ты можешь взять. — Он дюйм за дюймом погружался в меня, пока не уперся мне в глотку и я не поперхнулась. Я потянулась к его эрекции. Оставалась еще пара дюймов, которые не могли поместиться мне в рот. Данте немного отодвинулся, затем несколько раз толкнулся в меня, его ладонь крепко удерживала мое лицо.

— Немного практики, и, возможно, ты сможешь полностью взять меня в рот, но на данный момент этого достаточно.

Я дрожала от возбуждения. Может ли кто-нибудь кончить только от того, что делает минет?

Данте вытащил член у меня изо рта и снова погладил мои губы.

— Откинься назад.

Я легла спиной на матрас. Данте встал на колени и просунул руки между моих ног, а затем развел их так далеко, как только смог.

— Поставь свои пятки на край кровати.

Господи, я поняла, что он собирается сделать. Я так много всего читала об этом, но даже не представляла, как это будет чувствоваться.

Глава 11.2

Темнота меня порадовала. Так я хотя бы не чувствовала себя настолько открытой. Он просунул ладони мне под задницу и слегка приподнял. Я перестала дышать, когда почувствовала его теплое дыхание на своих мокрых складках. Данте медленно облизал мои внешние губы. Я дернула бедрами, но он проигнорировал мою молчаливую просьбу и продолжил мучительно дразнить.

— Данте, — прошептала я умоляюще.

Он сжал мою задницу и отстранился.

— Нет.

Я сжала губы, а затем, наконец, он провел языком по моему входу одним длинным движением. Я застонала, не переживая, считается это разговором или нет. Он чередовал быстрые и легкие движения с твердым, но медленным облизыванием, пока я не стала задыхаться на

границ оргазма. Взмахнув руками, я зарылась ими в волосы Данте в жажде прижать его сильнее к себе. Он воспротивился. Его пальцы скользнули по моим складкам и раскрыли их. Кончиком языка он нежно обводил мой клитор, пока я не начала трястись, в нескольких секундах от падения за край, и вдруг сел без предупреждения. Для того, чтобы промолчать, потребовалось все мое самообладание.

— Повернись и встань на колени.

Мои глаза широко распахнулись от удивления, но я повернулась и встала коленями на кровать.

— Опустись на локти.

Я опустилась. Теперь моя задница была поднята в воздух. Поза была странной и даже более уязвимой, чем раньше. Данте раздвинул мне ноги, пока я не почувствовала прохладный воздух на раскрытой заднице, а затем его губы снова оказались на моем центре. Я закричала от удовольствия, когда Данте погрузил в меня язык и начал медленно трахать меня. Я ощущала в себе каждое его движение, легкую шероховатость его языка, как он скручивал кончик, когда был глубоко внутри. Я уткнулась лицом в простыни, чтобы не дать сорваться постыдным звукам со своих губ, но, когда Данте скользнул рукой вперед и начал дразнить мой клитор пальцами, даже простыни не могли заглушить мои стоны и вздохи. Я выпятила свою задницу еще больше и заскребла пальцами по матрасу, когда оргазм взорвался из моего ядра, одновременно вызвав онемение и усилив мои чувства. Я втягивала рваные вдохи, моя кожа была влажной от пота, а сердце отчаянно билось в груди. Я подняла голову, чтобы глубже вдохнуть.

Данте исчез, но, прежде чем я успела обернуться через плечо, чтобы посмотреть, что он делает, его пальцы схватили меня за бедра и потянули ближе к краю кровати. Затем его эрекция прижалась к моему входу, и мое тело застыло в удивлении и нервозности.

Я читала, что догги-стайл позволяет мужчинам входить глубже, чем в других позах. Мне все еще было немного больно, и при отсутствии близости в этой позе для меня она была еще менее желанной. Мне хотелось, чтобы грудь Данте прижималась к моей.

Данте остановился, не пытаясь войти в меня. Его руки скользнули к моей попке и мягко помассировали. Я расслабилась, но совсем немного. Я чувствовала, как сжалось все внутри. Данте наклонился и обнял меня за талию, прежде чем прижать к груди. Я все еще стояла

на коленях, но теперь моя верхняя часть тела была в вертикальном положении, и Данте держал меня в своих руках. Скользнув одной рукой мне между ног и снова начав дразнить меня, другой рукой он добрался до груди и стал ласкать ее. Я положила голову ему на плечо, и мое дыхание успокоилось. Я все еще была напряжена, но в объятиях Данте чувствовала, что мои мышцы постепенно расслабляются. Слегка наклонившись ко мне, он направил головку к моему входу. Я все еще была зажата, но не так сильно, как раньше.

— В чем проблема? — пробормотал он мне на ушко. Он не казался нетерпеливым или расстроенным, просто любопытным.

Смущение скрутило мой желудок. Конечно, мне не хватало навыков соблазнения, если я даже не могла сделать это по-собачьи для собственного мужа.

— Я не знаю, — призналась я тихо. — Ты не можешь просто войти?

— Конечно, могу, но ты все равно узкая и если будешь так напряжена, как сейчас, то будет больно, — его голос был спокоен, даже нейтрален, без единого намека на то, что он думал о моем предложении.

Пальцы Данте все еще были у меня между ног, слегка поглаживая и пощипывая.

— Не говори мне, что у тебя проблема с причинением боли другим людям, — поддразнила я его хриплым шепотом, когда приятные покалывания от низа живота разлились по телу.

— Не скажу, — просто ответил он.

Я чувствовала нарастающее напряжение, когда его пальцы творили магию между моих ног. Он увеличил давление на мой вход, головка его члена скользнула внутрь, и в это же самое время я сильно кончила, а мои мышцы крепко сжали его член. Данте слегка наклонился вперед, прижимая меня книзу, и я выставила вперед руки, чтобы не рухнуть на кровать, пока все еще приходила в себя от оргазма.

Данте прикусил мне шею.

— Но я не хочу делать тебе больно. — Он ущипнул меня за сосок, затем вошел еще на пару дюймов, вынуждая меня задрожать от ощущения легкой боли и удовольствия. — По крайней мере, не больше, чем тебе будет нравиться.

Он вошел полностью, затем остановился на пару ударов сердца, прежде чем начать медленно вколачиваться в меня. Его движения постепенно становились все быстрее, до тех пор, пока мне не осталось ничего другого, кроме как опуститься на локти, иначе мои руки не выдержали бы. Данте выпрямился, лишив меня тепла своей груди, и схватил меня за бедра.

— Потрогай себя, Валентина, — потребовал он.

Я не сразу поняла, что он имел в виду, но потом просунула под себя руку и нашла свой клитор. Я яростно терла, в то время как движения Данте становились сильнее. Он вышел, насколько мог далеко, и снова вонзился в меня, заставив простонать его имя, а мои пальцы еще сильнее нажимать на клитор. Иногда кончиками пальцев я касалась его члена, скользкого от моих соков, и каждый раз он издавал стон. Ободренная этим, я направила руку так, чтобы одновременно гладить себя и касаться его члена. Когда мои мышцы сжались в освобождении, Данте тоже громко застонал.

Он замер, когда его член дернулся во мне несколько раз, и я зарылась лицом в простыни. У меня ныли предплечья от того, что опиралась на них, и в тот момент, когда Данте вышел из меня, я перекатилась на спину, задыхаясь. Я видела, как он отошел от кровати, как и в прошлый раз, затем включился свет в ванной, и Данте скрылся внутри. Однако дверь он не закрыл. Я скатилась с кровати и поспешила вслед за ним. Он встал под душ и включил воду.

— Ты собираешься принять душ? — нерешительно спросила я.

Данте взглянул на меня через плечо. Я не стала прикрываться, ведь он уже все видел. Сам Данте, похоже, не стыдился своей наготы.

— Да. Можешь присоединиться ко мне, если хочешь.

С радостным облегчением я поспешила к нему. Он приоткрыл для меня стеклянную дверь, и я проскользнула под теплые струи тропического душа. Через мгновение Данте шагнул ко мне. Я не торопилась, любуясь его телом, потому что впервые могла действительно хорошо рассмотреть его без одежды, и это было стоящее зрелище. Его грудь и живот были в меру накачены, и тонкая полоска светло-русых волос тянулась к низу живота. Данте подставил под воду голову, затем повернулся ко мне спиной, чтобы взять гель для душа. На его плече была татуировка. Я удивилась, вообще обнаружив на нем чернила. Почему-то Данте не был похож на такой

тип людей.

— Нет добра на земле; и грех — всего лишь слово. Приди, Дьявол. Ибо перед тобою весь этот мир, — я прочитала вслух цитату, начертанную курсивом на его коже. Данте повернулся ко мне, на его лице появилось нечитаемое выражение.

— Что за мрачная перспектива на жизнь? — спросила я.

В ответ он протянул мне гель для душа. Теперь, когда мы уже не лежали в постели, между нами снова вырос барьер, и я не знала, как его сломать. И еще я видела, что Данте бы этого не допустил.

— Я человек греха, Валентина. Мой опыт научил меня, что добро редко одерживает победу. Если дьявол существует, то он, безусловно, покровитель Синдиката.

Я прислонилась к стене, нахмурившись.

— Ничто не мешает тебе стать лучше.

Опять эта холодная улыбка.

— Нет, только моя природа.

Глава 12

Следующим утром мне позвонила мать, чтобы пригласить на поздний завтрак. Я знала, что она очень хочет расспросить меня о нашем браке с Данте. В действительности я даже была удивлена, что она тянула так долго, прежде чем связаться со мной. Возможно, хотела дать нам с Данте время, чтобы узнать друг друга поближе. Я сказала ей, что позавтракать не получится, но можно встретиться вечером за чашкой чая. Я точно не знала, сколько времени проведу в казино. Моим выбором в одежде на сегодня стал элегантный бежевый костюм и строгие туфли, потому что мне не хотелось производить слишком сексуальное первое впечатление. Интуиция подсказывала, что у меня возникнут проблемы с получением уважения даже без сверкания коленками.

Когда я спускалась по лестнице, Данте уже ждал в вестибюле. Одет он был, как всегда безукоризненно: в темно-коричневый костюм-тройку и подходящие «оксфорды». Данте скользнул по мне взглядом, и я понадеялась, что он одобрит мой наряд.

— Так будет нормально? — Я указала на свое тело.

— Выглядишь как бизнесвумен. На сегодня это подходящий выбор,
— кивнул Данте.

Я подошла к нему, не пытаюсь взять его за руку или поцеловать, хотя мне ужасно хотелось.

— Только на сегодня?

— Когда будешь встречать крупных игроков, можешь одеваться проще. Большинство из них — традиционалисты, поэтому платье или юбка будут разумным выбором.

Я удивленно подняла брови.

— Я думала, что эту работу ты выбирал для меня не из-за моей внешности.

Глаза Данте прошлись по всему моему телу.

— Валентина, только слепой тебя не заметит. Никогда не повредит очаровать важных персон так, как ты развлекала гостей, приглашенных на вечеринку в нашем доме. Они знают, кто ты. Знают, что ты моя, и ты займешь их время тем, что поприветствуешь и расскажешь им о наших специальных новейших предложениях, которые позволят им чувствовать себя исключительными. Никто не примет твое гостеприимство за неуместный флирт.

Я посмотрела на него с сомнением, но спорить не стала. За то, что он вообще позволил мне работать, я была очень благодарна. Мне даже не пришлось бы слушать сплетни, чтобы точно знать, что будут говорить обо мне, как только люди узнают, что жена Босса не удовлетворена ролью трофейной жены.

Для нашей поездки в промышленные районы Чикаго мы взяли «Мерседес» Данте, потому что снежная буря сделала улицы непроходимыми для «Порше». Спустя полчаса, в течение которых Данте объяснял, какие виды азартных игр самые популярные в наших казино, и кто является самым важным из крупных игроков, мы остановились перед воротами, ведущими вниз, в подземный гараж.

Позади него вырисовывалось массивное складское помещение с заляпанными окнами и разрисованными граффити стенами. Охранник из маленькой кабинки поздоровался с Данте и открыл нам ворота. Мы покатались вниз по ничем не примечательному паркингу. Ничего вокруг не намекало на присутствие казино, но это, безусловно, имело смысл, потому что Синдикат был вынужден скрывать свой нелегальный игорный бизнес. Несколько автомобилей уже были припаркованы, и Данте направил «Мерседес» к месту между глянцевым черным «БМВ» и китчевым красным «Мустангом» с цепями для езды по снегу вокруг массивных колес. У меня было такое чувство, что я знаю, кому принадлежит последний.

Мы с Данте вышли из машины, он, к моему удивлению, положил руку мне на поясницу, провожая к ржавому лифту на другом конце гаража.

— Это безопасно? — спросила я с подозрением. Эта штука выглядела так, как будто отчаянно нуждалась в ремонте.

— Это все понарошку, — засмеялся Данте. На мгновение его глаза встретились с моими, и неожиданное тепло заполнило меня.

Данте нажал маленькую черную кнопку, и двери лифта распахнулись. Внутри было не намного лучше, чем снаружи: грузовой лифт с голыми железными стенами и обшарпанным полом. Данте вытащил из кармана ключ-карту и засунул ее в прорезь, которую я даже не заметила раньше, потому что та была не рядом с кнопками лифта, как обычно. Данте заметил мой любопытный взгляд.

— Федералы к нам еще никогда не наведывались, но, если они станут проверять склад, это усложнит им задачу.

В тот момент, когда Данте вставил карту, лифт начал движение вниз. Поездка была недолгой, и, когда двери, наконец, открылись, я ахнула.

Мы шагнули в огромное подземное помещение с шикарными красными с золотом коврами, люстрами и десятками внушительных столов для покера, блэкджека, рулетки и всего того, во что здесь еще играли. Телевизоры с плоскими экранами на одной из стен казино показывали все: начиная от чемпионата Африки по футболу до первенства по дартсу в Шотландии, от гонки на верблюдах в Дубае и заканчивая лыжными турнирами в Альпах. Для клиентов, которые хотели наблюдать за спортсменами или командами, на которых они делали ставку, вдоль стен были расположены диваны. В дальнем

конце помещения находился бар с сотнями бутылок ликеров, вин и шампанских, протянувшийся почти на всю ширину казино.

Прямо сейчас казино было безлюдным, за исключением двух уборщиц, которые пылесосили ковры. Несколько дверей, как я предположила, вели в апартаменты для VIP-гостей.

— В задней части находятся офисы, а также зона для встречи важных гостей, — объяснил Данте, провожая меня через зал к темной деревянной двери рядом с баром.

— Я буду работать каждый день?

Данте как-то странно посмотрел на меня.

— Ты можешь выходить на работу, когда захочешь. Заставлять тебя никто не будет. Но всегда, когда ожидается важный гость, тебя будут информировать, чтобы ты решила, будешь ли их встречать.

— Хорошо. Ты говорил, что проводятся специальные мероприятия. Планируется ли что-нибудь в ближайшие несколько недель? Например, на День святого Валентина? — До него оставалось еще четыре недели, но для организации мероприятия нужно время.

Данте слегка погладил меня по спине, вызвав мое удивление. Я даже не сказала бы, что он осознавал, что делал, так как выражение его лица было отстраненным, если не считать кривой усмешки, обращенной ко мне.

— День святого Валентина — это точно не то, что интересует мужчин, приезжающих сюда. Даже если они женаты, их жены наверняка не знают, что мужья бывают здесь. Я уже говорил, мы всегда держим по меньшей мере дюжину проституток в баре, а спальни в конце зала никогда не пустуют.

— Так значит, я буду не только управлять казино, но и стану королевой борделя.

Данте рассмеялся. Настоящим смехом. Я покосилась на него, чтобы убедиться, что мои уши не сыграли со мной плохую шутку, но улыбка с его лица уже испарилась.

— Ты им не сутенерша. Ты можешь представить наших высоких гостей их девушкам-хостес, но, что касается остального, проституция в казино находится в руках Раффаэле.

Раффаэле был двоюродным братом Арии, однако он не состоял со

мной в родстве. С удовлетворением я подумала, что мое предположение про автомобиль было верным. Я слышала сплетни о его щегольской персоне.

— Это не тот, кому отрубили палец за то, что он пялился на Арию?

Все знали часть этой пикантной истории, но мне было любопытно, как относится Данте к этому инциденту. Я до сих пор помню, какой переполох тогда был.

Данте сжал губы в тонкую полоску.

— Это он. Рокко Скудери позволил Луке наказать Раффаэле.

Мы остановились перед дверью.

— Но у тебя бы такого не случилось?

— Я бы не позволил кому бы то ни было из Нью-Йорка наказывать на моей территории, — сказал он жестко.

Не знаю почему, но мое тело немедленно отреагировало на стальную ярость Данте, желая оказаться с ним наедине, чтобы позволить ему, как прошлой ночью, сделать со мной все, что он захочет.

Игнорируя потребности своего тела, я спросила:

— Значит, ты не считаешь, что Раффаэле это заслужил.

Лично я думала, что это перебор — отрезать чей-то палец только за то, что пялился, но Лука был известен своим хладнокровием, даже в Синдикате.

— Я этого не говорил, но настоял бы на том, чтобы наказать его самому, поскольку он моя ответственность. Но что сделано, то сделано.

— А Раффаэле — помощник управляющего?

— Нет, он отвечает за проституток. Следит за тем, чтобы у нас их всегда хватало. Он работает вместе с Томмазо.

Я поморщилась, это было моей обычной реакцией на его имя. Данте приподнял блондинистую бровь.

— Это из-за проституции или из-за Томмазо? Я думал, ты дружишь с его женой Бибианой.

— Бибиана — моя лучшая подруга, поэтому я терпеть не могу этого человека. Полагаю, нет ни единого шанса, что Томмазо может

оказаться предателем, чтобы ты смог от него избавиться?

Данте разглядывал мое лицо.

— Ты серьезно.

— Да. Он обращается с Бибианой как с грязью с тех пор, как они поженились. Я и слезинки бы не проронила, если бы ты пустил пулю ему в голову.

На пару ударов сердца наши глаза встретились, и у меня сложилось впечатление, что Данте тоже не возражал бы против уединения со мной, но затем момент исчез.

— Он верный солдат. Он никогда не давал мне никаких поводов сомневаться в нем. Я не имею права сделать с ним что-либо.

— Даже если я скажу тебе, что он насилует Бибиану? — Я знала, что Бибиана не хотела, чтобы люди знали об этом, но, возможно, Данте мог бы помочь. Не похоже на то, что он станет рассказывать об этом другим.

Он положил руку на ручку двери, его глаза стали холодны.

— Она его жена.

— Это не значит, что он может насиловать ее, — прошипела я.

— Знаю, но я не могу указывать своим людям, как они должны обращаться со своими женами. Даже Капо не имеет права вмешиваться в дела семьи. Мое решение о запрете изнасилования в качестве наказания или развлечения и так уже вызвало возмущение.

Я отвернулась в попытке скрыть, насколько тяжело воспринимала эту тему. Иногда ужасы, происходящие в Синдикате, слишком легко забывались.

— Ты готова войти? Раффаэле и Лео, помощник управляющего, ждут в твоём офисе, чтобы встретиться с тобой.

Я глубоко вздохнула, затем кивнула.

Данте открыл дверь, все еще держа руку на моей спине. Он проводил меня по длинному коридору, в котором обнаружилось еще пять дверей.

— Я так понимаю, что они не для всеобщего пользования, в отличие от дверей в основном зале.

— Да. Только для тебя и других сотрудников. Двери снаружи ведут в несколько номеров, которыми могут пользоваться проститутки со своими клиентами.

Я кивнула. Все-таки не верилось в реальность того, что я скоро буду здесь работать.

Данте проводил меня к двери в конце коридора и открыл ее. За дверью обнаружился просторный офис без окон, из мебели были стол для совещаний с шестью стульями, диван, рабочий стол и два стула возле него. На одном из стульев сидел Раффаэле, который был на пару лет моложе меня, на другом — мужчина средних лет с усами. Оба мужчины поднялись, когда мы с Данте вошли. Мой взгляд немедленно скользнул к руке Раффаэле. Хоть доктор Синдиката и пришил ему палец, но он торчал и, вероятно, не сгибался.

— Раффаэле, Лео, — сухо сказал Данте, отняв свою ладонь от моей спины, чтобы пожать им руки. Затем он указал на меня. — Это моя жена, Валентина. Как я сказал вам вчера, она займет место Дино. — Я предположила, что речь про того парня, который набивал свои карманы деньгами Синдиката.

Я кивнула головой, надеясь произвести впечатление уверенности в себе, пожала руку сначала Лео, который оказался ниже меня ростом на несколько дюймов, а затем Раффаэле. Мужчины радушно поприветствовали меня, но по их глазам было видно, что они недовольны решением Данте привлечь меня к делам Синдиката. Конечно, им не хотелось, чтобы женщина была их боссом, даже если Лео все-таки будет выполнять большую часть управленческой работы.

— Почему бы тебе не показать все здесь Валентине? Ты знаешь здесь все ходы и выходы лучше меня, — обратился Данте к Лео. Тот кивнул и повернулся ко мне с натянутой улыбкой.

— Сюда, — сказал он, выходя из офиса и направляясь обратно в основной зал. — Наши часы работы — с шести вечера до шести утра. Конечно, иногда группа крупных игроков желает забронировать зал на другое время, Тогда мы открываемся специально для них.

Еще не было даже полудня, так что оставалось много времени до того, как казино откроет свои двери. Это объясняло, почему было так безлюдно. Я кивнула на кабинку.

— Это здесь клиенты обменивают свои деньги на фишки?

— Да, — согласно кивнул Лео. — Если у клиента нет денег, мы предлагаем им кредиты.

— Не сомневаюсь, что по справедливым процентным ставкам, — пошутила я.

— Конечно, — согласился Лео с закрытой улыбкой.

— А если они не возвратят наши деньги, кто об этом позаботится?

— Те же бойцы, которые собирают все наши деньги, — сказал Данте. Он шел позади нас. Не знаю, приглядывал ли он за тем, чтобы мужчины вели себя цивилизованно, или же хотел посмотреть, как я буду справляться сама.

— Я полагаю, что если вход сюда только по приглашениям, тогда как быть со слухами? Клиенты подписывают какое-нибудь соглашение о неразглашении?

Раффаэле фыркнул, но замолчал, когда Данте с негодованием зыркнул на него.

— Нам не нужны никакие бумажки о неразглашении. Мы говорим клиентам, что они не могут рассказывать людям об этом, если заранее не спросят у нас разрешения и мы не проверим информацию об этом человеке. Наши клиенты знают, как держать язык за зубами.

— Никто не хочет связываться с нами, если не собирается сдохнуть, — надменно произнес Раффаэле.

Он начинал действовать мне на нервы. Он был слишком уверен в себе. Потеря пальца, по всей видимости, не снизила его самооценку.

— А ты отвечаешь за девочек?

— Я слежу за тем, чтобы проститутки делали довольными наших клиентов. Еще я выбираю шлюх, которые сидят в баре, чтобы возбуждать мужчин, и также решаю, кто станет одной из девушек-хостес. Я проверяю их всех, чтобы убедиться, что они умеют сосать член и согласны взять его в задницу. Анал — обязателен. Большинство несчастных ублюдков не получают этого дома.

Глава 12.2

Глаза Данте пылали гневом, но он не вмешивался. Возможно, он

думал, что из-за этого я покажусь слабой. В конце концов, я собиралась стать главой этого казино.

— Надеюсь, с клиентами ты так разговаривать не будешь, — сказала я Раффаэле.

Его шея пошла красными пятнами, трудно сказать — от злости или унижения. Наверное, всего по чуть-чуть. Он открыл рот и, взглянув на Данте, закрыл его. Похоже, что Раффаэле доставит мне больше хлопот, чем Лео.

— Кто-нибудь из девушек уже здесь? Я хотела бы с ними пообщаться.

Глаза Раффаэле бегали между Лео и Данте, будто ему нужно было их одобрение перед тем, как ответить на элементарный вопрос.

— Большинство из них работают в клубе «Палермо» до пяти, а затем приезжают сюда.

Девушки, которые работали здесь, были из клуба «Палермо»? Кто-то из них спал с Данте? Нужно спросить Бибиану, знает ли она имена тех женщин, которых выбирал Данте в клубе.

— Тогда я поговорю с ними завтра. Проследи, чтобы они пришли пораньше, чтобы я могла пообщаться с ними прежде, чем откроется казино.

— Да о чем тут говорить? Они всего лишь тупые проститутки, шлюхи с тремя дырками и не более того.

— Раффаэле, довольно. Я не потерплю, чтобы ты разговаривал так с моей женой, — сказал Данте опасно низким голосом.

Раффаэле склонил голову, но не раньше, чем послал мне уничтожающий взгляд. Я решила проигнорировать его сейчас.

— Сегодня ожидаются какие-то важные гости?

— Нет, — Лео покачал головой. — Но завтра приедут два сенатора и с ними несколько друзей. Играют они не так уж много. В основном проводят ночи с девушками.

— Значит, мы их развлекаем, потому что хотим, чтобы они защищали наши интересы в Сенате?

— Именно, — удивился Лео, словно не мог поверить, что женщина может прийти к такому выводу сама.

Мужчины в нашем мире удивились бы, узнав, как много их жены и дочери знали о жизни, от которой их всячески пытались защитить. Вы не можете вырасти в семье мафиози и не быть в курсе большей части того, что творится вокруг.

Данте одобрительно кивнул, и меня наполнило странное чувство гордости.

— Хорошо, значит завтра я буду здесь, чтобы познакомиться с ними и встретиться с остальными нашими сотрудниками. Надеюсь, мы сработаемся.

Лео кивнул, но Раффаэле явно так не думал. Данте положил руку мне на спину, и мы направились обратно к нашей машине.

— Ну, что ты думаешь? — спросил Данте, когда заводил машину.

— Я думаю, что Раффаэле создаст мне проблемы. Он меня явно невзлюбил.

— У него вообще плохо получается с женщинами, если они не проститутки и не должны делать то, что он говорит. Не принимай это на свой счет.

— Я и не принимаю. Меньше всего меня заботит, что он обо мне думает.

— Нет, — не согласился Данте. — Он обязан тебя уважать.

— Потому что, если он этого не сделает, это плохо отразится на тебе.

— В том числе и это, но еще потому, что ты его босс. Ты должна убедиться, что все работает гладко. Надеюсь, Лео тебе поможет.

— Он вроде ничего. Но ты ему не доверяешь?

— Я никому из них не верю.

Я кивнула.

— Они так удивились, когда я сказала что-то умное. Это на самом деле очень раздражает.

— Большинство мужчин предпочитают думать о своей женщине как о невежественной и бестолковой. Я знаю, что тем же людям, которые не одобрили мой запрет изнасилований, не понравится то, что ты будешь работать в нашем казино.

— Я думаю, что мафии давно пора перестать недооценивать женщин.

Данте искоса взглянул на меня.

— Может быть, ты сможешь их переубедить.

Он правда верил в это? Вопрос жег мне язык:

— Твоя первая жена работала?

На его лицо набежала тень.

— Нет. Она занималась социальной деятельностью, как большинство женщин нашего круга.

— О, конечно. — Мне пришло в голову, что, несмотря на то что Данте сам предложил мне работу в казино, он был недоволен моим желанием работать. Он предпочел бы трофейную жену? Таковую, которая хорошо бы смотрелась на вечеринках, согревала постель и держала под контролем персонал? Я решила сменить тему. — Моя мать сегодня пригласила меня к себе. Я так понимаю, что тебе нужно работать?

— Да. Но, если хочешь, я отвезу тебя в дом твоих родителей. Это по пути. И скажу, чтобы Энцо или Тафт забрали тебя, когда освободишься.

— Моя мама будет в восторге, — сказал я, закатив глаза.

— Ты бы предпочла, чтобы мы отправились домой, а ты поехала к своим родителям без меня?

— Нет, — быстро сказала я. — Кроме шуток. Моя мать будет на седьмом небе от счастья, когда снова встретится с тобой.

— Твой отец — один из моих подручных. Разве твоя мать не встречалась со мной бесчисленное количество раз?

— Но не как со своим зятем. Я никогда не видела ее счастливее, чем в тот день, когда она узнала, что ты снизошел до женитьбы на мне.

Данте нахмурился.

— Потому что ты была замужем?

— Конечно. Я была подпорченным товаром по нашим меркам. Не чистая невинная, как Джианна или множество других девушек, заигрывающих с тобой на вечеринках.

— Поверь мне, я более чем счастлив, что не согласился жениться на Джианне. От нее одни проблемы. У меня не хватит терпения на кого-

то вроде нее. И я особо не обращаю внимания на девушек на вечеринках.

Я вздохнула.

— Ты мужчина. Как ты можешь не замечать их знойных взглядов?

— Знойных? — спросил Данте с едва заметной улыбкой. — И я не говорил, что не замечаю. Я всегда в курсе того, что происходит вокруг меня, но мне неинтересны их глупые попытки флирта. Они заигрывают перед имиджем, который видят во мне, но я не такой.

— Я не знаю. Девушки думают, что ты сексуален, потому что ты властный и отчужденный. Ледяной принц, чье сердце они мечтают растопить.

Данте покачал головой, потом что-то в его лице изменилось, и он снова взглянул на меня.

— Значит, твоя мать не знала, что у тебя не было супружеских отношений в первом браке?

— Конечно нет. Я о таком с ней не говорю. И, поверь мне, она бы нашла способ рассказать тебе о моей девственности, потому что это увеличило бы мою ценность. Она умрет от счастья, если узнает, что ты стал тем мужчиной, который забрал мою добродетель. — Я замерла. — Ты же никому не расскажешь об Антонио?

Данте задумался.

— Не думаю, что это кому-то поможет. Конечно, если бы я мог привлечь своих людей, это бы упростило поиски любовника Антонио.

— Я не скажу тебе его имя, — перебила я, подозревая, куда это заведет, и от всей души надеясь, что он не рассердится снова.

Глава 13

Данте остановился перед моим старым домом и выключил двигатель, прежде чем повернуться ко мне.

— Я ожидал этого. Но по-прежнему не понимаю, почему. Мужчина, которого ты защищаешь, не твоя кровная родня, и из той информации, что я почерпнул, вы никогда не были близки. В конце концов, он же украл твоего мужа, так почему ты предпочла его мне?

— Я не предпочла его тебе, — сказала я, искренне шокированная. — Но я знаю, что ты собираешься сделать с ним, что ты должен сделать, чтобы защитить Синдикат, и обречь его на смерть не могу. Если ты поклянешься, что ему не причинят никакого вреда, тогда я могу передумать.

— Ты, как и я, отлично знаешь, что я не могу поклясться в этом. Есть же правила, все не просто так. Мы должны защищать секреты Синдиката. Если сведения о наших структурах, наших делах или традициях будут обнародованы, многие из тех, кого ты знаешь, попадут в тюрьму, включая меня и твоего отца.

— Он никогда не расскажет никому о Синдикате. Антонио рассказал ему о наших клятвах.

— Но он ими не связан. Все мы сохраняем молчание потому, что связаны честью и долгом, и потому, что нам всем придется заплатить высокую цену, если мы этого не сделаем. Но у этого человека нет причин хранить наши секреты сейчас, когда Антонио мертв. Не все почитают желание покойного так же отчаянно, как ты.

— Но он любил Антонио.

— Откуда ты знаешь? Но если даже и так, разве не заставило бы это его ненавидеть наш мир еще больше?

— Что ты имеешь в виду?

— Из-за правил Синдиката Антонио не мог открыть свои сексуальные предпочтения. Ему пришлось скрывать свои желания и своего возлюбленного, да и умер он, в конце концов, потому что был мафиози. Русские убили его из-за того, что он был одним из нас. Как видишь, у человека, которого ты защищаешь, множество причин, чтобы ненавидеть наш мир и желать его исчезновения.

Я никогда не думала об этом с такой точки зрения и была серьезно напугана. А если Данте прав? Я не встречалась с Фрэнком с тех пор, как сообщила ему о смерти Антонио год назад. Он был сам не свой и быстро ушел, не говоря ни слова. Больше связаться со мной он не пытался, и все, что я знала, — только номер его мобильного, но вскоре после похорон и он перестал работать. Я решила, что Фрэнк захотел оборвать все свои связи с мафией. Рассказал ли он кому-нибудь об Антонио? О Синдикате? Я не хотела в это верить. У него были причины ненавидеть Синдикат и его принципы. Ведь Фрэнку не только пришлось скрывать свои отношения с Антонио, но он даже не

смог попрощаться с ним. И я тоже. Все, что осталось от Антонио, — это обгоревший труп. Я его не видела, отец запретил. Он сказал, что там нечего было опознавать. Прежде чем сжечь тело, русские отрезали ему голову, и Синдикат ее так и не смог найти.

Данте внимательно за мной наблюдал. Или он пытался мной манипулировать? Как бы то ни было, то, что он сказал, было правдой.

— Проводишь меня до двери, чтобы поздороваться с моей матерью? Она расстроится, если ты останешься в машине, — сказала я, в надежде отвлечь его.

Данте понимающе зыркнул на меня, но больше не стал поднимать тему про любовника Антонио. Муж вышел из «Мерседеса», обошел капот и открыл мне дверь. Его рука привычно легла мне на поясницу, когда мы подходили к входной двери. Я едва ли успела нажать на звонок, как дверь мгновенно распахнулась, и на пороге, улыбаясь, появилась моя мать. Она, вероятно, шпионила за нами через окна.

— Данте, вот уж не ожидала, что ты зайдешь. Как мило с твоей стороны нанести нам визит, — прощепетала она с широкой улыбкой и притянула Данте в свои объятия. Он остался неподвижен, но пару раз коротко похлопал ее по спине. По крайней мере, он был против любых проявлений чувств не только со мной.

— Я только подвез Валентину. Рад бы остаться, но нет времени. Еще многое нужно сделать. — Он выпрямился, и у матери не осталось другого выбора, кроме как отпустить его.

У нее вытянулось лицо.

— Конечно. Теперь, когда ты Капо, обязанностей стало больше. Как чудесно, что ты нашел в своем напряженном графике время, чтобы повозить Валентину по городу. — Мать улыбнулась мне. — Тебе повезло с джентльменом.

Я одарила его я-же-тебе-говорила взглядом. Взгляд Данте смягчился в ответ, прежде чем он попрощался и направился обратно к своей машине. Как только он отъехал, мать закрыла дверь, схватила меня за руку и потащила в гостиную.

— Джованни! Валентина здесь! — закричала она.

— Отец дома?

— Я сказала ему, что ты придешь. Он тоже хотел с тобой поговорить.

Я тяжело вздохнула.

— Не начинай. Мы с отцом переживаем за твое благополучие. Мы хотим знать, все ли хорошо с вашей семейной жизнью.

— Ты имеешь в виду, что хочешь убедиться, не испортила ли я жизнь Данте.

— Ты теперь будешь переворачивать все, что я говорю. — Мать поджала губы.

Отец вошел в гостиную с перекинутым через плечо клетчатым пиджаком, застегивая запонки.

— У меня мало времени. У нас сегодня назначена встреча с Консильери и твоим мужем. Так что, как обстоят дела между тобой и Боссом?

— Раз уж ты все равно его встретишь, тогда и можешь спросить, как протекает мой брак и доволен ли мной муж, — ответила я чересчур елейным голосом.

— Иногда мне кажется, что я был недостаточно строг с тобой. Эта твоя дерзость вызывала гораздо больше умиления, когда ты была маленькой девочкой, — ласково сказал он.

Я встала и обняла его за талию. Он поцеловал меня в висок. Я знала, что как подручный босса мафии отец был почти так же безжалостен, как и Данте, и, вероятно, у меня не хватит пальцев, чтобы посчитать, скольких людей он убил, но для меня он навсегда останется тем человеком, который носил меня на плечах, когда я была маленькой.

— У нас с Данте все хорошо, не волнуйся, — сказала я, отступая. — Однако, я думаю, что он все еще не отпустил свою первую жену.

Отец переглянулся с матерью.

— Фиоре пришлось долго уговаривать Данте вообще жениться. Я рад, что он выбрал тебя. Не дави на него.

— Слушай своего отца, Валентина. Мужчины не любят назойливых женщин.

— Как я слышал, ты убедила Данте дать тебе работу? — спросил отец.

— Не притворяйся, что ты еще не в курсе. Бьюсь об заклад, половина Синдиката уже судачит об этом.

— А чего ты ожидала? Женщина с твоим статусом не должна работать, — сказала мать.

— А еще некоторые люди считают, что женщины не должны перебивать своих мужей, а ты это делаешь все время.

— Я не перебиваю твоего отца, — со вздохом сказала мать.

— Разве? — произнес отец с деланным удивлением.

Их брак сначала был не по любви. Как и мы с Данте, они поженились по договоренности, но со временем полюбили друг друга. Глядя на них, я лелеяла в себе надежду на такой же брак.

Я не удержалась от улыбки.

— Данте не возражает против того, чтобы я работала. Мне кажется, ему нравится, что я хочу приносить какую-то пользу.

— Что может быть важнее воспитания прекрасных детишек? Когда мы станем бабушкой и дедушкой?

Я послала отцу умоляющий взгляд, но он пожал плечами.

— Фиоре и правда мечтает о наследниках своей фамилии. У Данте есть обязанности. Что, если его убьют в то время, когда у него еще нет сына, чтобы унаследовать его титул?

— Не надо так говорить. Никого не убьют. Одного мужа я уже лишилась и не собираюсь терять второго, — с отчаяньем ответила я.

Отец потрепал меня по щеке.

— Данте сможет о себе позаботиться, но что плохого в том, чтобы иметь детей?

— Плохого — ничего. Я хочу детей, но не потому, что произвести наследника — мой долг. Я хочу детей, потому что хочу любить кого-то, и чтобы меня любили без каких-либо условий. Господи, когда этот разговор стал настолько невыносимо эмоциональным?

— Вэл, — осторожно сказал отец, — Данте что-то сделал?

Я слабо улыбнулась ему, с благодарностью за его беспокойство, но понимая, что это бесполезно. Даже если бы Данте сделал что-то и я рассказала бы отцу об этом, вряд ли он смог бы вмешаться. Он не пошел бы против своего Капо, даже ради меня.

— Нет, он джентльмен. — «Вне спальни», — добавила я про себя. Не

то чтобы я возражала. — Вот только он очень закрыт. Мне одиноко, но работа меня отвлечет, так что это должно помочь.

— Дай ему время, — посоветовал отец.

Я видела, что из-за моей эмоциональности ему все больше становилось неловко. Почему же мафиози становятся трусами, когда дело доходит до выражения чувств, но, столкнувшись со смертью, и бровью не поведут? Он взглянул на свои «Ролекс» и поморщился.

— Мне действительно пора идти.

Отец чмокнул меня в висок, а затем наклонился, чтобы одарить мою мать настоящим поцелуем. После этого он ушел, а мать похлопала ладонью по местечку рядом с ней на диване. Я со вздохом плюхнулась туда.

— Прямо сейчас мне просто необходим торт.

Мать позвонила в колокольчик, и наша горничная вошла в гостиную с подносом, полным выпечки и итальянских макарони. Держу пари, она караулила под дверью с тех пор, как я приехала. Насколько я помню, она всегда была слишком любопытной. Мимоходом улыбнувшись мне, она поставила поднос и снова исчезла. Я схватила кусочек торта из слоёного теста с марципаном и шоколадом и откусила внушительных размеров кусок. Мать не спускала с меня глаз, когда наливала мне кофе.

— Поаккуратнее с этим. В них полно жира и калорий. Ты должна заботиться о своем теле. Мужчины не любят толстых.

Я демонстративно доела оставшуюся часть слойки, а затем запила ее кофе.

— Может быть, тебе стоит написать книгу о том, чего хотят мужчины, поскольку ты, похоже, все об этом знаешь, — я широко распахнула глаза, чтобы смягчить грубость своих слов.

Мать покачала головой, прежде чем взять себе печенье.

— Твой отец прав. Мы должны были быть к тебе строже.

— Вы были строги с Орацио, и это не помогло.

— Он парень. Они все неуправляемы. К тому же, он делает успехи. Даже сказал, что думает о том, чтобы остепениться.

Я не поверила в это. Он это сказал, только чтобы мать перестала его

пилить. А учитывая то, что он не жил в Чикаго, но помогал вести наш бизнес в Детройте и Кливленде, родители нечасто получали возможность беспокоить его. И, разумеется, он был мужчиной.

Никого не волновало, даже если он проводил каждую ночь с новой девушкой, при условии, что не раскрывал им, кто он на самом деле.

— Я никогда не шла против вашей воли, так что не понимаю, на что ты жалуешься. В конце концов, я вышла замуж за Данте потому, что вы этого хотели.

Мать выглядела оскорбленной.

— Он лучшее, на что мы могли бы рассчитывать. Кто бы отказался выйти за такого, как он, мужчину?

Я допила кофе, не утруждая себя ответом. Все равно это был риторический вопрос.

— Данте домогается тебя ночью?

Я чуть не выплюнула все, что было у меня во рту.

— Мама, я не собираюсь говорить с тобой об этом. — Мои щеки запылали от стыда, и мать понимающе улыбнулась.

Я любила ее, но она была самой бестактной женщиной на этой планете.

Глава 13.2

Энцо приехал за мной на внедорожнике. За время короткой поездки мы не разговаривали, если не считать пары фраз, которыми мы перекинулись. Когда проезжали мимо улицы, где жила Бибиана, я попросила:

— Подожди. Поверни здесь. Я хочу нанести визит Бибиане Бонелло.

— Я обещала рассказать ей, как продвигаются дела у нас с Данте. Надеюсь, она мне будет рада.

Энцо не стал спорить. Он направил машину к дому Биби и припарковался у тротуара.

— Хотите, чтобы я подождал?

Я колебалась.

— Если ты не против?

Энцо покачал головой.

— Это моя работа. — Он потянулся за сиденье и вытащил журнал об олдтаймерах[1].

— Я недолго, — заверила я, хотя мы с Бибианой могли болтать часами.

Я вышла из машины и направилась к входной двери. Позвонила и стала ждать. Какое-то время ничего не происходило, и я уже собиралась вернуться в машину, когда дверь распахнулась.

Передо мной стоял Томмазо. Я округлила глаза от удивления, а затем заволновалась.

— Привет, Томмазо, — выдавила я, стараясь, чтобы мой голос звучал приветливо. — Надеюсь, я не пришла невовремя. Хотела поболтать с Бибианой. Она дома?

«Она в порядке?» — вот вопрос, который я на самом деле хотела задать. Томмазо был потный, его кожа покраснелась, а ширинка была расстегнута. Во мне стал нарастать страх.

Томмазо оскалил зубы в широкой ухмылке и обхватил мою руку своими ладонями.

— Она спустится через минуту. Для жены Данте у нас всегда найдется время.

Я боролась с желанием уйти. Его кожа была липкой от пота, и мысль о том, что причина его помятой внешности имела какое-то отношение к тому, что он делал с Бибианой, вызывала у меня желание скрести свои ладони, пока на мне не останется ни следа от его прикосновения.

— Бибиана, поторопись. Здесь Валентина Кавалларо.

Как будто Бибиана не знала, кто я. Я осторожно вытащила руки из его хватки.

— Я слышал, ты взяла под свой контроль казино, — с любопытством сказал Томмазо, уставившись на меня своими маленькими глазками-пуговками.

— Это Раффаэле тебе рассказал?

Томмазо загоготал.

— Ему и не нужно было. Все только об этом и говорят. Бибиане я бы ни за что не позволил работать, но Данте уже давно пытается изменить положение дел в Синдикате, еще до того, как Фиоре ушел на пенсию.

Я попыталась понять, могу ли истолковать его слова как предательство, но, к сожалению, это была лишь легкая критика. Ничего из того, что могло бы заставить Данте пустить пулю в голову Томмазо.

— Даже Синдикат вынужден идти в ногу со временем, — ответила я нейтрально.

Бибиана появилась на верхней ступеньке лестницы с всклокоченными волосами, в кое-как застегнутой блузке и с голыми ногами. Томмазо подмигнул мне.

— Прошу меня извинить. У меня встреча с Раффаэле, нужно выбрать девочек для завтрашней ночи.

Удержать на лице улыбку было трудно до боли, и в тот момент, когда он скрылся из виду, я прекратила этот фарс и поспешила к Бибиане, которая спускалась по лестнице.

— Эй, все в порядке?

Она сглотнула.

— Мы можем поговорить наверху? Мне надо в душ.

— Конечно, — быстро сказала я.

Бибиана робко улыбнулась мне. Я молча последовала за ней наверх, пытаясь подавить свою злость на Томмазо. Я уже пробовала найти способ заставить Данте убить его, но мне нельзя было о таком даже думать. Мне никогда не приходилось быть в ответе за чью-то смерть. Даже если Томмазо был худшим из мерзавцев, смерти я ему не желала.

Бибиана отвела меня в спальню. Я притворилась, что не заметила скомканных простыней, когда прошла за ней в соседнюю ванную комнату. Мы с Бибианой и прежде видели друг друга голыми, особенно когда были помладше, поэтому я не удивилась, когда она стала при мне раздеваться. Я села на край ванны.

— Если бы знала, что Томмазо дома, я бы не приехала.

— Нет, — перебила Бибиана. — Я рада, что ты здесь. По крайней мере, Томмазо из-за этого не отправился сразу же на второй раунд.

Мои глаза пробежались по синякам у нее на боках, внутренней поверхности бедер и на предплечьях. Я опустила взгляд себе на колени и сморгнула злые слезы. Бибиана шагнула под душ и включила воду.

— Вэл? — Я встала и подошла к душевой кабинке. — Я знаю, что не должна тебя об этом спрашивать, но ты можешь что-нибудь сделать?

— Он что-то делает против Данте или Синдиката? Хоть что-то?

— Он предан Кавалларо. — Биби мотнула головой, когда вода потекла с ее темных волос на лоб.

Я так и думала.

— Если Томмазо не предатель, Данте ничего не станет предпринимать, но может, у нас получится его подставить.

Глаза Бибианы стали огромными.

— Если мы это сделаем, тебе придется обмануть Данте. Вэл, ты не можешь пойти против него. Я не имею права просить тебя о таком. — Она нацепила бравую улыбку. — Я слишком драматизирую. Женщины веками переживают это, и все они выжили.

Может быть, но это не означало, что должна страдать и Бибиана.

Она вышла из душа, и я протянула ей полотенце.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом. Как дела у вас с Данте? У вас было?

Я кивнула, краска смущения опалила мне щеки.

— Дважды.

— И? Все плохо?

— Нет, вообще-то это было... — я замолчала, осознав, что натворила. Я не могла рассказать о том, как мне понравилось быть с Данте, когда с Биби только что совокуплялся ее муж-свинья. — ...нормально, — закончила я без энтузиазма.

Биби внимательно взглянула на меня.

— Я тебя знаю, Вэл. Я вижу, что ты врешь. Из-за меня не нужно сдерживаться. Я знаю, что есть женщины, которым нравится секс.

— Было здорово, — выпалила я.

Биби взял меня за руку и сжала ее.

— Это же прекрасно. После стольких лет, проведенных с Антонио, ты заслужила немного удовольствия.

Мне хотелось броситься к ней, заключить в свои объятия и держать, хотелось убить ради нее Томмазо, но вместо этого я просто сжала в ответ ее ладонь.

— Однажды Томмазо исчезнет, и настанет твоя очередь.

Она кивнула, но безысходность в ее глазах поразила меня.

— Ему 52 года. С моей удачей, он проживет еще тридцать лет. Тогда я уже буду старой и злой.

Спустя двадцать минут я вернулась в машину, и Энцо направился домой.

Когда мы подъехали к воротам особняка, мое внимание привлек мужчина, стоявший по другую сторону улицы, и я вздрогнула от удивления. Это был Фрэнк.

[1] Олдтаймер (англ. Oldtimer) — старинный, раритетный автомобиль. Как правило, под этим словом имеют в виду машину, выпущенную более 30 лет назад.